

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

ФИДАН ИССУЛИДДИН КЫЗЫ ФАТУЛЛАЕВА

ЕДИНИЦЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА И ИХ ОСОБЕННОСТИ

(на материале английского языка)

HSM –060201–Языкознание (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени магистра

Научный руководитель: _____

к. ф. н., доцент З. Н. Асланова

БАКУ-2018

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК АББРЕВИАТУРЫ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4-9
I ГЛАВА. ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА...	10-41
1.1. <i>Общие понятия о лингвистике текста.....</i>	10-14
1.2. <i>Понятие текст.....</i>	14-23
1.3. <i>Информация как категория текста.....</i>	23-41
II ГЛАВА. СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА.....	42-74
2.1. <i>Понятие сверхфразовое единство.....</i>	42-50
2.2. <i>Лингвостилистические средства межфразовой связи: повторы, параллелизмы, союзы, детерминанты, порядок слов.....</i>	50-64
2.3. <i>Соотношение сверхфразового единства и абзаца.....</i>	64-74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75-77
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	78-85

СПИСОК АББРЕВИАТУРЫ

СКИ – содержательно-концептуальная информация

СПИ – содержательно-подтекстовая информация

ССЦ – сложное-синтаксическое целое

СФИ – содержательно-фактуальная информация

СФЕ – сверхфразовое единство

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена одной из ведущих проблем современного языкознания – единицам лингвистики текста.

Лингвистика текста относительно молодая дисциплина, которая укрепила свое место в ряду с другими науками и основными единицами, на изучение которых направлена данная лингвистическая область, являются текст – как целое произведение и сверхфразовое единство.

Актуальность исследования. Формирование лингвистики текста в качестве отдельной языковедческой дисциплины, посвящение многочисленных работ последних лет тексту и его единицам свидетельствуют об актуальности проблемы текста.

Текст как сложное лингвистическое явление, по-разному трактуется в работах лингвистов, что значительно затрудняет выбор общепринятого определение, которое можно было бы считать исчерпывающим. Представляется бесспорным, что любой текст, прежде всего, выступает как коммуникативная единица и должен рассматриваться с точки зрения акта коммуникации и его компонентов. Анализ текста позволяет выявить его количественные и качественные характеристики, на основе которых выявляются основные текстообразующие категории.

Текст как объект лингвистического исследования и высшая коммуникативная единица представляется как целая система категорий. Среди множества выделяемых категорий информативность считается одной из ведущих, которая активно взаимодействует с другими категориями, так как основным свойством всякого текста – это способность содержать в себе и передать ту или иную разновидность информации.

Необходимо отметить, что, несмотря на успехи современной лингвистики в изучении информативности, достаточно интересным представляется исследование категории информативности в художественных произведениях, поскольку с помощью произведений передается основная авторская мысль. Как

в общей теории лингвистики, так и конкретно в английском языке проблема информативности текста не была всесторонне и систематически исследована.

Исследования по лингвистике текста также направлены на изучения отрезков текста. Текст, представляет собой сложную структуру, которая непосредственно состоит из конstituентов. Основной единицей текста и также лингвистики текста является сверхфразовое единство, которое обладает относительной независимостью от окружающего контекста произведения.

Изучение сверхфразового единства является одним из спорных вопросов в лингвистике и продолжает привлекать внимание исследователей с разных точек зрения. Также нет исследовательской работы, которая могла бы дать всестороннее описание структурно-семантической организации сверхфразового единства как в современном языкознании, так и в английском языке.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом к языковым единицам, больше чем предложение, как сверхфразовое единство и текст, как целое целого речевого произведения.

Еще не в достаточной степени изученным считается категория информативности текста. Так же как отсутствует однозначное осмысление композиционно-смысловой структуры сверхфразового единства. Настоящая работа призвана в определенной мере восполнить пробел в исследованиях сверхфразового единства и текста.

Степень разработанности темы. Общие проблемы лингвистики текста были разработаны в работах В. Дресслера, М. А. К. Халлидея, Э. Косериу, П. Хартмана, Т. А. ван Дейка, также в исследованиях представителей российских лингвистических школ и направлений М. М. Бахтина, А. В. Бондарко, И. П. Гальперина, З. Я. Тураевой, Т. М. Николаевой, Л. А. Новиковой, К. А. Филиппова, О.И. Москальской и т.д., а в азербайджанском языковедении к проблеме изучения текста и сверхфразовой единицы посвящены работы К. М. Абдуллаева, А. А. Абдуллаева, А. Я. Мамедова, М. Т. Гаибовой и др. В лингвистике текста особое внимание уделяется выделению основных категорий текстуальности, также определению структурно-семантической связей

компонентов текста. Изучаются лингвистические средства связи связывающих предложения в единства, также соотношения СФЕ и абзаца и процессы делимитации и актуального членения текста. Поэтому необходимо всестороннее осмысление этих двух единиц лингвистики текста.

Объектом исследования является изучение особенностей единиц лингвистики текста, как текст и сверхфразовое единство на основе материала на английского языка.

Предметом исследования заключается в обобщении и систематизации результатов, полученных в ходе исследования категории информативности и систем языковых средств межфразовой связи в СФЕ.

Цель исследования. Основной целью работы является изучение особенностей единиц лингвистики текста: текста, как целого произведения и его категории информативности, также СФЕ и закономерностей его структуры, семантики и функционирования.

Задачи исследования Для достижения поставленной цели требуется разрешение следующих конкретных задач:

- исследование уровня изученности текста в современном языкознании и лингвистике текста;
- изучение информативности как основной категории текстуальности;
- выделение основных разновидностей информации в тексте;
- исследование уровня изученности сверхфразового единства;
- изучение способов связи предложений внутри СФЕ;
- исследование основных лингвистических средств межфразовой связи;
- изучение вопроса делимитации и членения текста;
- исследование соотношений абзаца и СФЕ;

Методы исследования. При написании работы были использованы методы непосредственного наблюдения и комплексного описания языкового материала, структурно-семантический метод, функционально-синтаксический метод, метод сопоставления, метод лексико-семантического анализа.

Источники исследования. Материалом для анализа послужили примеры из произведений английской и американской художественной литературы, также периодической печати и научные материалы.(общим объемом свыше 2000 единиц)

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) в работе впервые предпринята попытка комплексного целенаправленного, системного исследования единиц лингвистики текста, как целого произведения и сверхфразовое единства. 2) проводится детальное изучение категории информативности и основных видов информации тексте 3) с новых позиций анализируется композиционно-смысловая структура сверхфразового единства; 4) выявляются условия функционирования формально-грамматических факторов соединения составляющих сверхфразовых единств

Научно-теоретическое и практическое значение работы. Теоретическое значение диссертации заключается в изучении текста, как целого речевого произведения, для осмысления передаваемой информации, так как основным свойством текста является способность содержать в себе и передать ту или иную разновидность информации. Также выявление закономерностей структурно-смысловой организации сверхфразовых единств и лингво-стилистических связей между его компонентами показывает, что в практике речевого общения, сверхфразовое единство, как и текст, используются как средство общения и обмена мыслями.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования ее материалов и выводов в соответствующих разделах учебных курсов по практике преподавания английского языка, в курсах интерпретации художественного текста, в лекционных курсах, на практических занятиях по стилистике современного английского языка, в спецкурсах и спец семинарах по лингвистике текста. Результаты диссертационной работы могут быть использованы при разработке учебных пособий по этим дисциплинам, в научно-исследовательской работе студентов.

На защиту выносятся следующие положения

1) Текст, как целое произведение, так и СФЕ, является одновременно и явлением реальной действительности и результатом отражения ее в языке. Текст считается основной единицей коммуникации и связывающим звеном коммуникативного акта; является продуктом человеческой деятельности, также представляет собой способ хранения и передачи информации

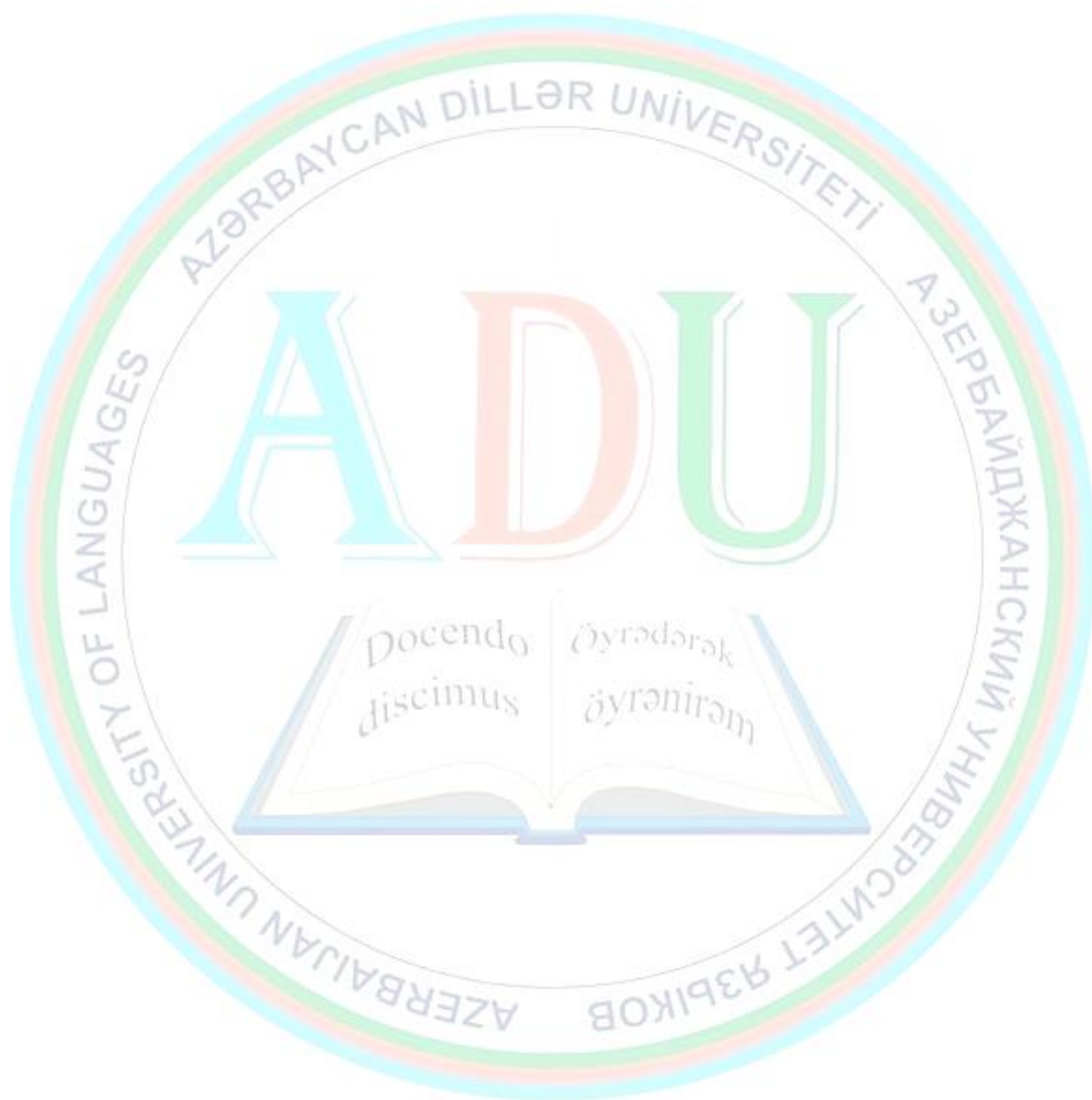
2) Информация – одна из интернирующихся категорий текста, которая проявляется на фоне целого речевого произведения в парадигме «автор – текст – реципиент». Она может быть выражена словесно или с помощью знаков, эксплицитно или имплицитно в зависимости от функционального жанра, стиля, вида и типа высказывания, также учитывая отнесенность текста в определенному культурному наследию. Данная категория проявляется в текстах художественных, так и нехудожественных, в виде различных типов текстовой информации.

3) Сверхфразовое единство является так единицей текста, так и основной единицей лингвистики текста так как считается связывающим звеном его плана содержания и плана выражения. Композиционно-смысловая структура сверхфразового единства образуется из совокупности предложений, связанных между собой интонационно и лексико-грамматическими средствами связи и раскрывающих одну из микротем текста.

4) Сверхфразовое как единица текста имеет свои лексико-грамматические особенности, которые также могут быть критерием определения его границы. Совпадение или несовпадение границ сверхфразового единства и абзаца является результатом воли автора текста, влиянием его личной прагматической установки и интенции раскрытия микротемы

Апробация работы. Работа выполнена на кафедре лексикологии и стилистики английского языка-2 Азербайджанского университета языков. Основные положения и результаты проведенного диссертационного исследования регулярно обсуждались на заседаниях кафедры. По теме диссертации опубликованы 2 научные статьи.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников. Общий объем диссертационной работы 85 листов компьютерной графики.

ГЛАВА I

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

1.1. Общие понятия о лингвистике текста

Становление лингвистики текста в качестве отдельной языковедческой дисциплины можно назвать одним из главных достижений современной науки о языке.

Как сравнительно молодая лингвистическая область, возникла она в середине XX века и получила активное развитие на рубеже 70–80-х годов. Интерес к тексту как к самостоятельному объекту изучения, является закономерным результатом перенесения основ внимания лингвистов языковым единицам больше чем предложение, и первопроходцами в этой области непосредственно следует считать Н. С. Пospelova, А. В. Пешковского, Л. А. Булаховского, И. А. Фигуровского. Позже появились новые работы посвященные идее сверхфразового единства и дискурса в трудах европейских и американских ученых.

Поворот к изучению этой новой области был подготовлен рядом процессов, как в самом языкознании, так и смежных с ним дисциплинах.

Среди языковых причин чаще всего называют невозможность адекватно объяснить некоторые лингвистические явления при опоре на традиционный понятийный аппарат, который ориентировался исключительно на анализ предложения. К ним относятся хорошо известные явления как идея анафорических отношений, порядок слов, тип актуального членения высказывания, распределение определенных и неопределенных артиклей, интерпретация временных отношений и многое другое. [52, 8]

Важную роль в выделении лингвистики текста в самостоятельную отрасль играет ее междисциплинарный характер. Она стоит на стыке дисциплин, которые непосредственно связаны с языковедением: литературоведения, психо-

логии, социологии. Данный период, также начали активно развиваться такие новые науки, как теория перевода, автоматическая переработка языковых данных, методика преподавания родного и иностранных языков и т.д., [72, 10] и в данной ситуации целое речевое произведение – текст – стал центром, в котором пересекались все эти подходы к языку. «Он оказался не только исходным материалом для названных направлений лингвистического поиска, но и определил предмет одного из них — предмет лингвистики текста» - указывает О. И. Москальская. [48, 11]

С переходом лингвистики текста в самостоятельную научную дисциплину ученые поставили перед собой определенную задачу – расширить границу описания языковых явлений. Они пытались перешагнуть многолетнее изучение предложения и начать детально анализировать целое речевое произведение, которое представляет собой план содержательных взаимосвязей и структурных сплетений. М. М. Бахтин исследуя текст указывал на важность текста, сравнивая его с первичной данностью для всех дисциплин и исходной точкой всего гуманитарно-филологического мышления. Там где отсутствует текст, считал ученый, нет ни объекта для исследования ни мышления. [15, 297]

С развитием лингвистики текста, начинается и фундаментальная переоценка некоторых положений традиционной теории лингвистики. Многие ученые, такие как Э. Беневист, Р. О. Якобсон, И. Ф. Вардуль считали высшей единицей языка предложение, утверждая о невозможности вхождения предложений, в силу их специфики, в качестве интегранта в единицу более высокого уровня. [17, 446; 78, 585; 20, 15]

Однако, как считает Н. Е. Энkvист, в предложениях не возможно говорить или писать о двух событиях одновременно. Предложения должны быть представлены один за другим в линейном порядке для раскрытия темы высказывания. [80, 370] Более того, предложение может выражать мысль, которая может быть продолжена и развита в других предложениях и эти группы предложений, обладают замкнутой синтаксической структурой и выражают законченную мысль и следовательно, текст – это такой синтаксический

комплекс, который устраняет относительную незавершенность с точки зрения смысла, определенный семантический недостаток другого синтаксического комплекса, а именно предложения. Сам текст при этом демонстрирует абсолютную смысловую завершенность и выступает как основной фактор в процессе получения реципиентом семантической информации. [3, 177]

Таким образом, рассмотрение текста как области функционирования предложения и как некоего самостоятельного формирования, более сложного, чем предложение, при этом, допускающее семиотическое понимание, заставило исследователей выделить в системе языка, уровень расположенный выше уровня предложений – уровень текста.

К. Глаузенблас считает оправданным введение этого уровня, так как текст по его мнению, выполняет два условия необходимые для обоснования уровня: 1) текст является самой сложной структурой, реализующей коммуникацию и 2) для выполнения текстом его функции используются грамматические, лексические и другие средства. [89, 149] Ф. Данеш также находит разумным введение нового уровня текста в иерархию уровней языковой системы, исходя из коммуникативного критерия выделения уровней. [79, 157]

Основанием для введения в языковую систему более высокого уровня исследования является обнаружение в изучаемом объекте структур, которые невозможно описать, находясь в рамках нижних уровней. Данное положение в полной мере обосновывает введение в описание языка уровня текста.

Интенсивное изучение более сложных коммуникативных образований намечает поворот на перенесение внимания лингвистов на проблему человеческого общения и на аспекты функционирования элементов языка. При этом, на первый план выводятся единицы коммуникации, через которые осуществляется интенция говорящего. [22, 11] Таким образом, анализ текста стремится объяснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникационного акта, и подробнее изучить связь языка с различными сторонами человеческой деятельности, которое реализуется непосредственно через текст. [69, 5] Посредством текста познать бытие языка и его

закономерности, так как языковые единицы функционируют не в наборе отдельных слов или предложений, а проявляют себя в связном тексте.

Таким образом текст стал одним из важнейших лингвистических понятий, который не только является высшей единицей синтаксического уровня, но и основной единицей языка и коммуникации, составной частью языковой системы, и всестороннее изучение этого понятия требовало создание новой дисциплины лингвистики текста перед которой стояла задача найти и построить текстообразующие закономерности, присущие всем текстам.

Решения этой задачи в основном проводятся в двух направлениях. С одной стороны она стремится познать, основные закономерности строения текста, также исследования проводятся в области «актуальной реализации» текстов. [30, 114] Одновременно, проводятся научные споры, по выделению основных принципов и критериев для определения границ текста, моделей текста и типов текста. И можно сказать, что эти два аспекта исследования можно рассмотреть как взаимодополняющее друг друга подхода. [9, 181]

Лингвистика текста занимается вопросами анализа текстов, построения текстов, классификации текстов, структуры текстов, а также исследованием лингвистических и экстралингвистических причин, определяющих функционирование текстов в процессе коммуникации. [93, 79]

В связи с вопросами анализа, построения и функционирования моделей и типов текстов главной задачей лингвистики текста является описание функционирования всех единиц языка в связном тексте, рассмотрение компонентов текста как конституентов, способствующих созданию текста, [86, 205] описание закономерностей образования текстов из предложений. [88, 11]

Одним из важнейших вопросов стоящих перед лингвистикой текста также является выявление, в зависимости от целей исследования, основных методов анализа текста. Этими методами являются интерпретация направленная на объяснение признаков использования тех или иных языковых явлений в тексте и методы информации применяемые для выявления основного содержания текста. [7, 26]

Лингвистика текста считается одним из основных направлений, развития лингвистической мысли, наряду с функционально и генеративно-трансформационной лингвистикой. [36, 514] Несмотря на то, что она стала самостоятельной областью языковедения относительно недавно, но по значению теоретически осмысленных языковых проблем, по важности разрабатываемых вопросов она укрепила свое место в ряду с другими разделами науки.

Большую роль в ее развитии сыграли концепции и теории европейских лингвистов как В. Дресслера, М. А. К. Халлидея, Э. Косериу, П. Хартмана, представители российских лингвистических школ и направлений М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, , З. Я. Тураева, Т. М. Николаева, Л. А. Новиков, К.А Филиппов, И. Р. Гальперин, О.И. Москальская и т.д., а в азербайджанском языковедении К. М. Абдуллаев, А. А. Абдуллаев, А. Я. Мамедов, М. Т. Гаибова.

1.2. Понятие текст

«Человек живет в мире людей, вещей и текстов» [12, 52] знаменитая фраза социологов подчеркивает значение текста как основного средства общения. Текст в общем виде рассматривается как результат речемыслительной деятельности человека, которая порождается в процессе познания окружающей среды и в процессе прямой или косвенной коммуникации. [2, 3-4] Само понятие существует давно, но относительно недавно было включено терминологическую номенклатуру.

Становление лингвистики текста как новой областью языкознания требовало определения статуса единицы, которая стала объектом изучения, поэтому считается совершенно естественным возникновение вопроса научном определение текста. Данная проблема рассматривалась многими лингвистами, что вызвала достаточно серьезные разногласия, но так и не привело к

разработке единого и достаточно надежного определения для целей лингвистического изучения.

Текст, по мнению Бахтина, является сложным структурным образованием, включающая двух субъектов: автора и адресата. [16, 55] Любой текст рассчитывается на чье-либо восприятие: хронист пишет для будущих поколений, специалист-ученый – для научных деятелей, с целью распространения результатов опытов и наблюдений; даже такая разновидность текста, как дневник, также ведется для кого-то – пусть даже «для себя». [19, 5] Истинная сущность текста всегда раскрывается на рубеже двух сознаний, при этом сознание реципиента, невозможно исключить или нейтрализовать. Такая двух направленность текста рождает множество проблем при его всесторонней изучение.

В современных исследованиях приводятся несколько определений этому сложному, многоаспектному междисциплинарному понятию.

«Текст», (лат. – *textum* связь соединение) произведение речи (высказывание), воспроизведенное в письме и в печати или основная часть печатного набора — без рисунков, чертежей, подстрочных примечаний и т. п.. [60, 355]

А. Солганик, определяет текст как соединенную логической и грамматической связью последовательность речевых единиц: выражений, сложных синтаксических целых, отрывков, частей и т.д.. [65, 16]

Г.В. Колшанский обуславливает под текстом связь минимально двух выражений, в которых проявляется наименьший акт коммуникации, т.е. происходит обмен мыслями или сообщениями между участниками акта. [35, 10] Исследователь сравнивает текст с моделируемой единицей языка, микросистемой, которая функционирует в человеческом обществе, в качестве главной языковой единицы и обладающая смысловой коммуникативной законченностью. [35, 14]

Под текстом Ю. М. Лотман понимает «... сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение». [43, 33] Однако это определение

может в равной степени относиться и к предложению, и к сверхфразовому единству и не выделяет специфического качества данного объекта. Кроме того, в этом определении не учтен существенный параметр текста — семантический. Игнорировать смысловой параметр текста — значит свести понятие текста к нулю.

Текст является продуктом письменного варианта языка, который всегда имеет графическое воплощение. Он обладает собственными параметрами, которые определяются его двойственной природой, состоящей в постоянной потенциальной возможности его прочтения. Текст находится одновременно в состоянии покоя и в движении.

По словам Одинцова, текст представляет собой сложную структуру элементов, которые многообразно соотносятся или отличаются по своим качествам и свойствам. Самыми общими, основными структурными категориями текста ученый считает, категории содержания и формы. В первое из которых включается два понятия: тема и собственно содержание. Содержание при этом представляется как конкретное решение темы; содержание-это материал реальности, который применяется для раскрытия темы, тех фактов и явлений, которые были обработаны в речи. [55, 42]

Устная речь всегда конкретна, однозначна, имеет субъективную окраску и интонационную. Текст — в отличие — абстрактен, не однозначен, интонационно многосторонний и может интерпретирован по разному.

Любой текст, прежде всего, который выступает как коммуникативная единица, должен рассматриваться с точки зрения коммуникационного акта и его составляющих. [6, 47]

Взаимная связь между компонентами текста дает возможность не рассматривать сложный объект как простое множество частей, входящих в его состав. Именно благодаря этим отношениям текст формируется не только с помощью структурной составляющей части, но и различного типа сложной, содержательно-смысловой полноты. [8, 133]

З. Я. Тураева, исследуя текст как систему высшего ранга, дает определение его как некое упорядоченное множество предложений, объединенными различными лексическими, логическими и грамматическими видами связи, которое способно передать определенным образом сформированную и направленную информацию. [69, 17]

В зарубежных исследованиях встречается также различные трактовки текста. В них отражаются авторские взгляды на текст как центральное понятие лингвистики, а также выделяются различные аспекты его изучения. Так по мнению американского лингвиста М. А. К. Халлидея, определяет текст как языком в действии и основной единицей семантики, которое не следует считать как что-то сверх предложение. [84, 101] Уточняя приведенное общее определение, М. А. К. Халлидей приходит к выводу, что текст представляет собой актуализацию потенциального.

А. Греймас рассматривает проблему текста с позиций порождающей теории. Ученый сравнивает дискурс (текст) с единством, которое может расщепляться на высказывания, при этом не считается результатом их сцепления. [92, 56]

П. Гиро сближает понятия «текст» и «стиль» и считает, что текст представляет собой структуру, замкнутое организованное целое, в рамках которого знаки образуют систему отношений, определяющих стилистические эффекты этих знаков [27, 35]

Т. А. ван Дейк осмысляет текст как сложное коммуникативное явление в которое включается социальный контекст, который дает информацию об участниках коммуникационного акта также их характеристиках, и о процессах кодирования и декодирования сообщения». [78, 2]

Из множества лингвистических определений наиболее показательным считается определение, предложенное И. П. Гальпериным, в работах которого письменный текст – художественный и нехудожественный - рассматривается как центральной и важной проблемой лингвистического анализа. Текст по его мнению, «произведение речетворческого процесса, обладающее завершён-

ностью объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [26, 18] к которому мы придерживаемся в этой работе.

Таким образом, текст в любой форме, считается «альфой и омегой лингвистического исследования» [95, 22] и включается в номенклатуру языковых единиц, в том или ином терминологическом выражении-сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, дискурс, регистр, выражение. Эти термины которые используются как разные определения-выявить, более крупную чем предложение, в котором предложение выступает как один из составных компонентов.

Изучение этого феномена становится боевым кличем нового направления лингвистики: «Мы говорим не отдельными словами, предложениями и текстами», [96, 15] «Если мы говорим, то говорим только текстами», [86, 3-4] «Только в форме текстов и текстовой функции язык является средством коммуникации между людьми», [86, 17] «Основной единицей, когда мы пользуемся языком, является не слово и предложение, а текст». [84, 160]

Следовательно, детальное анализ текста позволяет выявить его количественные и качественные характеристики. К пространственно-количественным относятся объем текста и его элементы, членение текста, количество, последовательность элементов, наличие повторяемости элементов и т.д.. К качественным элементам относятся взаимосвязь между формой (выражение) и содержанием, коммуникативной интенцией и эффектом, определение типа и жанра текста а также принадлежность к определенному стилю.

Текст - является неким новым объектом, который недавно привлек на себя внимание исследователей, следовательно, важно не только изучение методов и направлений этого объекта, но и выявление единиц которые должны быть

свойственны только ему. Для решения этой проблемы нужно определить единицы текста как специального объекта науки о языке, выявить основные признаки этих единиц.

Единицы текста, а их называют по-разному — сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа представляют собой важное звено, связующее план выражения и план содержания художественного целого.

Сверхфразовое единство является объединением нескольких предложений, которые связаны между собой в смысловом и структурном плане, и основной характеристикой которого считается относительная семантическая независимость от контекста. Подробнее СФЕ мы исследовать во второй главе.

А. И. Новиков исследуя текст и его части, утверждает, что выявление признаков текста осуществляется на уровне текста как целого произведения, а признаки характерные сверхфразовому единству являются признаками целого текста. [54, 174]

Текст представляет собой некий снятый момент речевого процесса, в котором структурные и функциональные параметры выделяются с наибольшей или наименьшей степенью внятности и взаимосвязаны с друг другом, наиболее важными среди которых считаются смысл и содержание . [14,8]

Содержание может иметь широкое значение а именно объем текста. Являясь объектом крупного масштаба, поскольку в качестве составляющих вступают единицы более крупные, чем предложение, в характеристике существенным можно считать параметр объема. Возможен увеличение текста до значительных размеров, однако по самой своей натуре он обозрим, поскольку имеет коммуникативную законченность, в то время как предложение абстрактная единица языкового анализа.

Текст как единица текстового уровня, представляет собой систему, обладающую характерной структурой, которая обуславливает выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора. Как всякая система текст обладает признаками целостности и связности (также

используются термины когезии и когерентности), отражающие его структурную и содержательную сущность. Целостность фундаментальное свойство текста, в отличие от связанности, которая реализуется на отдельных отрезках текста, целостность это свойство целого речевого произведения, которая отражает его коммуникативную и содержательную организованность.

Исследуя связанность, как свойство структурной организации текста, различают два вида связанности: локальную и глобальную. Локальным считается связность линейных порядков (высказываний, сверхфразовых единств). Глобальной связностью называют то, что обеспечивает единство текста смысловой и внутренней цельностью.

Локальная связность обуславливается синтаксическими средствами связи как вводно-модальные слова, местоимения, видо-временными формы глаголов, повторы, порядок слов, союзы и др. [19, 25]

Глобальная связность выражается через главные слова, которые тематически и концептуально объединяют как в целом текст, так и его отрезки.

Связность текста выражает себя с помощью внешних структурных показателей, т.е. через формальную зависимость составляющих текста, в то время как целостность текста проявляется в связях тематического, концептуального, модального. [19, 25]

Следует отметить, что целостность текста, т.е. взаимосвязь его компонентов, явление не только смысловое, она проявляется в то же время в виде структурном, смысловом и коммуникативном целостности.

«Смысловая целостность текста, заключается в единстве его темы»- отмечает О. И. Москальская. [48, 17] При этом ученый утверждает, что между темой целого произведения и микротемами компонентов текста т.е. глав, параграфов, сложных синтаксических целых существует только опосредственная связь. Тема целого текста не выводится из суммы частных тем и наиболее отчетливо это можно увидеть в произведениях художественной литературы. [48, 17]

Коммуникативная целостность проявляется, когда каждое последующее предложение в сверхфразовом единстве опирается в коммуникативном плане на предыдущее, и при этом продвигает информацию высказывания, от неизвестного к известному. [48, 21]

Структурная целостность же проявляется с помощью лексических и грамматических средств, которые активно участвуют в установлении левосторонних и правосторонних связей между предложениями, составляющими сверхфразовое единство, следовательно, выполняя при этом функцию построения текста. [48, 26]

Таким образом, связность и целостность текста являются неотъемлемыми признаками текста при его оформлении как осмысленного целесообразного структурного единства.

Текст, который создается участниками акта коммуникации, также определенным образом формирует и направляет их коммуникативную деятельность. Автор устного или письменного текста считается первым пунктом собственных коммуникативных усилий. Так как на первых этапах речь эгоцентрична, которая направлена на самопознание, но когда зарождается нужда в появлении реципиента, это самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интраперсональные проблемы коммуникации. [28, 12]

Акт коммуникации представляется как среда двух участников «коммуникатора и реципиента» и функционирование текста в этой среде возможен только если произойдет восприятие текста, которое можно сравнить с осмыслением текста. Осмысление текста возможен только если установлены связи как «текст-действительность» и «текст-реципиент». Эти связи устанавливаются только при соотнесении содержания текста с опытом реципиента. Опыт устанавливается в виде определенного набора стандартов, в соответствии с которыми человек оценивает и выбирает элементы окружающего мира. [29, 34]

Следует отметить, что нередко СФЕ и текст классифицируются как одинаковые коммуникативные образования. Что нередко затрудняет их

разграничения. Даже в начальных этапах развития лингвистики текста под текстом понималась, синтаксическая единица, которая состоит из ряда семантически и структурно объединенных предложений, т.е. сверхфразовое единство. Однако последующие годы, с возрастанием интереса в языкознании к таким наукам как прагмалингвистике, функциональной стилистике, социалингвистике для которых объектом исследования стал целое речевое произведение определенного стиля и жанра а сверхфразовое единство продуктом членения текста.

Таким образом, основными единицами лингвистики текста следует считать

- 1) целое речевое произведение, т.е. текст в широком смысле слова «макро текст»;
- 2) сверхфразовое единство или текст в узком значении слова «микро текст».

Соответственно, выделяются два основных раздела лингвистики текста: — учение о сверхфразовом единстве; — учение о тексте в широком смысле слова — целом речевом произведении. Даже академик В. В. Виноградов отмечал, необходимость изучения целого текста как «литературно-художественного памятника» и закономерностей его формирования. [21, 114]

Текст, как целое произведение, так и СФЕ, является одновременно и явлением реальной действительности и результатом отражения ее в языке. Текст, считается основной единицей коммуникации и связывающим звеном коммуникативного акта; является продуктом человеческой деятельности; также представляет собой способ хранения и передачи информации, накопления социального опыта и знаний, которые обеспечивают развитие общества; также считается формой существования языковой и человеческой культуры и т.д. Все вышеуказанные стороны текста, как объекта действительности, которые манифестируются через содержащуюся в нем информацию и через информацию, которая содержится в фоновых знаниях участников коммуникации, создают возможность для разностороннего его изучения.

1.3. Информация как категория текста

Современная теория текста охватывает очень широкий круг проблем, среди которых одной из ведущих и наиболее перспективных является проблема текстуальности отличающий текст от не текста. Под текстуальностью понимается основные параметры или признаки составляющие текст, иными словами категории текста.

Термин «категория» используется в различных дисциплинах. Так, в философии под категорией определяется предельно широкое понятие, в котором отражаются наиболее общие и основные признаки, связи и отношения объектов и явлений объективного мира. [37, 240]

В языкознании категория определяется как любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства. В строгом смысле категория это – некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака. [40, 215]

Применительно к высшей коммуникативной единице языка термин «категория» используется со времен становления лингвистики. Текст, в своем построении характеризуется собственными закономерностями. Следовательно, его анализ не может быть проведен чисто языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами, что приводит к выделению текстовых категорий. [11, 68]

Однако при определении понятия «категория текста» в настоящее время наблюдаются значительные расхождения мнений ученых. Одни исследователи отмечают, что текстовые категории выражают закономерности его организации, другие считают, что категории текста отражают общие и существенные свойства и параметры его структур-содержательной стороны. Согласно Н. В. Шевченко,

категории представляют собой те признаки, которые относятся всем текстам и без которых не может существовать ни один из них. [74, 21]

В работах по проблемам текстуальности лингвистики предлагают большое многообразие категорий текста. Так например, А.А. Акишика среди категорий текста называет связанность, единство и отдельность. [12,73] Н.Я.Сердобинцев среди основных текстообразующих признаков выделяет смысловую автономность, языковую, композиционную и стилистическую оформленность и связанность. [61, 45] Т. М. Николаева разрабатывая теорию функциональных категорий грамматики текста выделяет предупоминание, контраст, определенность не определенность. [53, 43] З. Я. Тураева выделяет такие категории как художественное время и прогрессия/стагнация. [68, 57]

В европейской лингвистике вопрос о том каким критериям должен отвечать текст был раскрыт наиболее полно в работе В. Дресслера и Р. А. де Богранда «Лингвистика текста» , в котором авторы выделили 7 основных категорий текстуальности: когезию, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, интертекстуальность. И эта модель классификации признается в качестве основных во всех авторитетных европейских исследованиях. [77, 11]

Попытку выработать теоретические основы выделения категорий, мы находим и в работах И. Р. Гальперина. Который утверждал, что «нельзя говорить о каком-либо объекте исследования, в данном случае о тексте, не назвав его категорий». [24, 4] Ученый был первым, кто предлагал введение систему текстовых категорий, разделив их на содержательные и композиционно-структурные категории, при этом подчеркивал их взаимообусловленность. В его монографии в качестве категорий текстуальности были рассмотрены следующие признаки текста: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста. [24, 42] Однако, ученый выделяет первые четыре категории, а именно: информативность, целостность, связанность, завершённость, которые он

считает очень важными для осмысления целостности текста и понимания принципов его структурной организации .

Таким образом, текст как объект лингвистического исследования и высшая коммуникативная единица представляется как целая система категорий. При этом выделяются универсальные текстовые категории, которые обнаруживаются в любом речевом произведении, и факультативные, свойственные лишь определенным видам текста. Категории, относящиеся определенному виду текста, называют видовыми, а категории, выявленные во всех текстах, считаются общими текстовыми категориями. Так, художественным текстам относят такие категории, как образ автора, художественный хронотоп (единый пространственно-временной континуум), информативность, причинность, подтекст, модальность и которые выражаются различными языковыми грамматическими, лексическими, стилистическими и тематическими и праязыковыми средствами.

Среди множества выделяемых категорий информативность считается одной из ведущих, которая активно взаимодействует с другими категориями. Однако З. Я. Тураева не согласна с этим положением, которая считает, что иерархия категорий текста не установлена. [68, 100]

Основным свойством всякого текста это способность содержать в себе и передать ту или иную разновидность информации. Это свойство как фактор социально-культурного развития, показывает то положение, что текст становится средством коммуникации между людьми, несущий в себе кроме чисто информации, когнитивную, психологическую, эмоционально-оценочную и логическую нагрузку.

Наиболее общая и удачная определение информации это «снятие неопределенности в каком-либо сообщении», которое отражает ее суть, как процесса передачи сообщения. Понимание ее как ведущей категории, также тесно связано с понятием темы. в зарубежных исследованиях по лингвистике текста информативность текста связывают с тематичностью текста, иными словами информативность интерпретируется как способность текста раскрывать

тему. [90, 39] Как известно, в современной теории текста термин тема трактуется по-разному. В единице языка – предложении, в рамках его актуального членения, тема понимается как исходное (данное) высказывания, которое известно и ясно из ситуации, а рема предопределяет новое, информационный фокус высказывания. Некоторые ученые понимают тему как предмет содержания, которая представляет собой основу семантической базы и определяется как факт известный из ситуации действительности или контекста и может быть представлена определенным предложением. [77, 103] Похожим к данному можно считать определение темы целого текста или микроконтекста, как обобщённого концентрата текстового содержания. [49, 175] Данный подход, к трактовке темы, суживает определение, соотнося ее с понятиями факт и событийность, которое представляет, что на уровне предложения реализуется факт, а в СФЕ частная тема или микротема общей темы произведения, но не сама тема. Следовательно, можно сделать вывод, что текст характеризуется многотемностью, что позволяет говорить, информативность шире понятия тематичности и обладает собственными признаками.

Следует также отметить, что во многих работах термины «информативность» и «информация» употребляются как тождественные. Подобное использование этих терминов, не совсем приемлемо, так как, информация является более широким понятием, чем информативность. Информация относится к целым речевым высказываниям (текстам), информативность в свою очередь связана с различными единицами языка и речи, или отрезкам текста (лексические, синтаксические единицы языка, стилистические обороты, сверхфразовые единицы, абзацы, предложения, слова).

Информация считается абсолютным показателем информативности текста, если рассматривать текст в качестве источника различной информации. А информативность, в свою очередь, можно считать относительным показателем текста, который определяется количеством имеющихся в нем информативных высказываний.

Ценность информации зависит от желания читателя понять коммуникативное намерение автора (тему), что заставляет читателя декодировать информационный план текста, подвергая детальному анализу частей текста. [25,69] Определение степени информативности частей текста же, зависит от двух условий: содержат ли части полезную информацию и является ли полученная информация новой для реципиента.

Такие характеристики информативности и информации текста, приближают их к понятиям содержания и смысла текста. «Содержание как термин грамматики текста относится к информации, заключенной в тексте в целом; смысл — к мысли, сообщению, заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве». [26, 20] Границу между смыслом и содержанием проводится в плане характера предикативности. Предикативность (транспортирование фактов языка в факты речи)-является категорией текста, которая придает ту особенность тексту, без которой он лишен информационной новизны, и происходит только номинация определенных явлений объективной действительности.

И. Р. Гальперин пишет в своей работе, что «вне предикации нет акта речи, есть лишь номинация определенных явлений, событий, действий». [26, 21] Смысл не обязательно предикативен. Существуют номинативные образования, которые наделены смыслом, но не имеют категории предикативности. Части текста, которые обладают предикативностью, соотносимы со смыслом, а не с содержанием. Интеграция предложений в контекст позволяет им становиться частью содержания, так как нести на себе груз определенной информации. Таким образом предикативность помогает располагать информацией в тексте. Любое высказывание, законченный речевой отрезок текста, обладает смыслом, но не каждое высказывание считается информативным, если оно лишено категории предикативности («нового»), что формирует содержание (новую, ценную информацию).

Категория информации текста является обязательным признаком текста. Однако проявить она может себя в разнообразных формах – как нулевой, когда

в содержание текста не дается ничего нового, а только повторяется известное, и как концептуальной, когда для ее выявления необходимо подвергнуть текст анализу. Между этими полюсами располагается информация различной степени насыщенности (меры новизны). [26,29] Т. М. Дридзе исследуя категорию информативности выделяет первичную и вторичную информативность. По мнению ученого, если коммуникативная интенция писателя адекватно интерпретируется реципиентом, то текст обладает первичной информативностью. Вторичной информативностью считается потенциальная способность текста являться первоисточником важных и полезных сведений, в которых нуждается реципиент и намеренно ищет в тексте. [31, 25]

При изучении информации как основной категории текста следует рассмотреть и критерии информативности. Так, Р. А. де Богранд и В. Дресслер разрабатывая категории текста, отвели информативности только пятое место, после категорий интенциональности, цельности, связности, воспринимаемости. По их мнению, информативность определяется как «уровень ожидаемости/неожиданности или известности/неизвестности/неузнанности данных элементов текста». [77, 123]

Раскрывая, положения для понимания информативности текста в монографии, исследователи связывают содержание высказывания с определенной жизненной ситуацией, также учитывая степень сложности ситуации и характер ее представления и воспроизведения автором. Учитывая эти факторы ученые выделяют три ступени информативности, которые связаны с различными типами текстов. [77, 125]

В качестве текстов входящие в первую ступень информативности, выделяются такие, содержание которых целиком и полностью соответствует информации, которая передается. Следовательно, не могут быть иные прочтения текста, так как основную роль при восприятии этого играет ситуативный контекст.

Вторая ступень информативности включает тексты более сложными компонентами раскрывающие ситуацию и подробного изображения их в

письменной форме. Носителями информации в данной ступени являются не только сами слова используемые для описывание ситуации, но и отношения между ними. Иными словами межфразовые средства связи, как повторы, местоимения, вводные слова и т.д.

Третья ступень информативности основывается на не соответствии изображаемой ситуации с знаниями реципиента, что вынуждает его искать иной способ разрешения проблемы, чтобы декодировать информацию которая не совпадает его знаниям и ожиданиям. [77, 126]

Итак, ступени информативности текста разработанные Р. А. де Бограндом и В. Дресслером дали толчок к дальнейшему перспективному рассмотрению категории информативности и выделению основных ее видов в тексте.

Информации как тексообразующая категория тесно связана с различными типами текстов. Тексты классифицируются как по функциональным стилям, так и по характеру информации. Дипломатические документы, которые объединяются под общим стилем официальных документов, по характеру информационной насыщенности представляются в виде пактов, договоров, нот, заявлений, ультиматумов и др.. Художественная литература же проявляется в различных жанрах и формах — в виде рассказа, басни, романа, стихотворении, драмы, поэмы, повести. Информацию, получаемую из различных видов текста, определенным образом можно предопределить названиями типов текста.

Важную роль в изучении информации играет также форма ее заключения. Так в нехудожественных текстах информация наиболее легко декодируется, так как является результатом каких-либо исследований, опыта, размышлений. В художественных произведениях же, информация несет свойства которые вербально не выражены, которые по-разному понимаются реципиентом.

Таким образом изучение информации официально-деловых, газетных, художественных, публицистических текстов, показал, что информация как важная категория текстуальности различается по прагматической установке, что позволяет выделять разновидности информации в тексте.

В настоящее время в лингвистике текста существуют множество классификаций текстовой информации. Однако первым в этой области был И. Р. Гальперин, который выделил такие виды информации, как содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая (СПИ). [26, 23]

Различают и другие классификации информации. Т. В. Матвеева выделяет следующие разновидности информации в тексте : фактологическую – фиксирующая наличие, состав и структуру определенных фактов; логическую-содержащая причинно-следственных и других логических отношений между событиями; субъектно-оценочную-мнения различных лиц, участниках событий и фактах, а также отражения эмоционального восприятия событий; нормативно предписательная - сообщающая о том каким должен быть событие и явление в норме и как следовало (следует) действовать адресату в примерно равных событиях и ситуациях;прогностическая- построение текстов, прогнозов дальнейшего развития текстов. [47, 134]

А также характером передаваемой содержательной информации в тексте Н.С. Валгина выделяет: фактологическую, которая соответствует эмпирическому уровню познания; концептуальную и гипотетическую, подобающую теоретическому уровню познания; методическую, в которую заключается описание способов и приемов усвоения информации; эстетическую, связанную с категориями оценочного, эмоционального, нравственно-этического плана; инструктивную, содержащую ориентацию на определенные действия. [19, 45]

В данный момент единая общепринятая классификация еще не установлена, так как в зависимости от целей исследования выделяют разные виды информации. Многие лингвисты принимают за основу классификацию И. Р. Гальперина, которая рассматривается не как вид, а как тип информации.

Содержательно-фактуальная информация (СФИ) включает сообщение о фактах, событиях, процессах которые происходили, происходят, произойдут в окружающем нас мире, реальном или представляемом. [26, 27] Такой вид информации встречается во всех текстах, в текстах про искусство

представляется в виде рисунков, научных текстах в виде фактов которые подтверждают правдивость информацию, в газетных, официально-деловых, также художественных. Этот вид представляет собой эксплицитную информацию, понять которую не сложно, так как она всегда выражается вербально. Языковые элементы в СФИ обычно употребляются в прямом, референтных значениях зафиксированных в словарях и в которых отчётливо проявляются закреплённый за этими словами жизненный и общественный опыт. Приведем пример из газетного текста:

Poor air quality is now considered one of the biggest public health issues now facing the UK. A recent report by the House of Commons environmental audit committee included evidence that air pollution could be contributing to 50,000 deaths in the UK a year. A study commissioned by Boris Johnson, mayor of London, calculated that more than 4,300 deaths are caused by poor air quality in the city every year, costing around £2bn a year.[120]

Из беглого чтения отрывка, становится понятно что, информация здесь сводится к ухудшению качества воздуха в Соединенном Королевстве, так как все слова употреблены в прямых словарных значениях, также приведенные результаты проводимых исследований и статистика обеспечивают информационную значимость текста.

Содержательно-концептуальная информация (СКИ) сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия. Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире. [26, 28] СКИ всегда выделяется, выходясь из всего произведения, передает читателю все переживания автора.

Таким образом, различия между СФИ и СКИ можно представить себе, как информация бытийного характера и информация эстетико-художественного характера, причем под бытийным следует понимать не только действительность реальную, но и воображаемую. Содержательно-концептуальная информация часто встречается в художественных текстах, но ее можно также получить из научных текстов. Однако если в научных текстах она всегда выражена достаточно ясно, то в художественных текстах для понимания СКИ требуется мыслительная работа.

Не все реципиенты могут понять СКИ. Бывают случаи, когда понимание художественного текста сводится лишь к восприятию фактуальной информации, а сама концептуальная остается непонятной. Это происходит из-за неспособности пользоваться ассортиментом средств языкового анализа или в результате недостаточного развитого словарного запаса читателя, а также незначительностью жизненного опыта и фоновых знаний.

При изучении концептуальной-информационной насыщенности художественного текста, надо рассматривать и категорию концептуальности. Концепты – это ментальные сущности, в которых соединены воедино принципиально важные для человека знания о мире, и отброшены несущественные представления. Концептуальность главным образом акцентирует внимание на осмыслении нового, которое раскрывается не сразу, а постепенно, которое становится ясным только в завершенном тексте. Следовательно, нередко СКИ раскрывается в конце произведений или в эпилоге. Так, например:

So they went closer to the figure by the cannon bollard. She had taken off her bonnet and held it in her hand; her hair was pulled tight back inside the collar of the black coat—which was bizarre, more like a man's riding coat than any woman's coat that had been in fashion those past forty years. She too was a stranger to the crinoline; but it was equally plain that that was out of oblivion, not knowledge of the latest London taste. [103, 10]

And her dress! It was so different that he thought for a moment she was someone else. He had always seen her in his mind in the former clothes, a haunted face rising from a widowed darkness. But this was someone in the full uniform of the New Woman, flagrantly rejecting all formal contemporary notions of female fashion. Her skirt was of a rich dark blue and held at the waist by a crimson belt with a gilt star clasp; which also enclosed the pink-and white striped silk blouse, long-sleeved, flowing, with a delicate small collar of white lace, to which a small cameo acted as tie. The hair was bound loosely back by a red ribbon. [103, 425]

Отрывки из романа Джона Фаулза «Подруга Французского Лейтенанта», где автор в начале и в конце описывает двух разных главных героинь. Если в первом отрывке описание внешности Сары Вудраф, подчеркивает ее скрытость и то что она не может найти свое место в Викторианском обществе. Но во втором отрезке мы видим как она изменилась до неузнаваемости. Содержательно-концептуальная информация сводится из описаний Сары. Читатель понимает, что не только внешность и не сама героиня сильно изменилась, она обрела ту свободу и уверенность, которую она искала протяжении всего романа. В выявлении содержательно-концептуальной информации этого отрывка, большую роль сыграла содержательно-фактуальная информация, извлекается из смыслов отдельных слов и словосочетаний, которые Фаулз выбрал для описания внешности Сары, которые подчеркивают раскрепощение героини, ставшая на путь независимости и свободы.

Содержательно-концептуальная информация также является носителем подтекстовой информации. Автор иногда передает свою мысль читателю не прямо и ясно, а косвенно. Для этой цели требуется подтекстовая информация.

Содержательно-подтекстовая информация (СПИ) представляет собой эксплицитную информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности языковых единиц производить ассоциативные и коннотативные значения, а также способности предложений внутри СФЕ расширять смысл.

Подтекстовая информация разделяется на фактический (ассоциативная), связанный с известными культурно-историческими явлениями, и актуальный

(ситуативная), связанный с сюжетом. То, что названо ассоциативной, практически совпадает с фоновыми знаниями, с экстралингвистической ситуацией, ситуативная информация выявляется при обращении к уже прочитанным отрывкам произведения

Как и СКИ, подтекст реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения. Таким образом, на уровне единичного высказывания подтекстовую информацию выявить нельзя. СПИ оказывать содействие на возникновение у читателя эмоционального и оценочного отношения к излагаемому, а также углубляет сюжет, помогает более детальному раскрытию основных тем произведения.

Понимание подтекстовую информацию не всегда происходит сразу, при беглом чтении концептуальной информации. Только при повторном чтении и при внимательном зачитывании отдельных частей текста можно обнаружить более глубокое содержание. Такой вид информации часто встречается в художественных текстах, особенно в поэзии. Например:

I've got a man in England who buys me clothes. He sends over a selection of things at the beginning of each season, spring and fall."

He took out a pile of shirts and began throwing them one by one before us, shirts of sheer linen and thick silk and fine flannel which lost their folds as they fell and covered the table in many-colored disarray. While we admired he brought more and the soft, rich heap mounted higher—shirts with stripes and scrolls and plaids in coral and apple green and lavender and faint orange with monograms of Indian blue. Suddenly with a strained sound Daisy bent her head into the shirts and began to cry stormily.

"They're such beautiful shirts," she sobbed, her voice muffled in the thick folds. "It makes me sad because I've never seen such—such beautiful shirts before. [102, 73-74]

Отрезок из романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби», где автор показывает главную героиню которая плачет при виде рубашек. Автор показывает внутренние переживания героини, которая понимает, она покинула

Гэтсби из-за денег, теперь, когда он уже богатый они все равно не могут быть вместе. Ситуативный подтекст не сразу становится ясным, только при детальном анализе всего текста становится ясной основная причина плача Дейзи.

Другой пример отрывок из романа Джона Фаулза «Женщина Французского Лейтенанта»:

Charles had known women—frequently Ernestina herself— contradict him playfully. But that was in a playful context. A woman did not contradict a man's opinion when he was being serious unless it were in carefully measured terms. Sarah seemed almost to assume some sort of equality of intellect with him; and in precisely the circumstances where she should have been most deferential if she wished to encompass her end. He felt insulted, he felt ... he could not say. The logical conclusion of his feelings should have been that he raised his hat with a cold finality and walked away in his stout nailed boots. But he stood where he was, as if he had taken root. Perhaps he had too fixed an idea of what a siren looked like and the circumstances in which she appeared—long tresses, a chaste alabaster nudity, a mermaid's tail, matched by an Odysseus with a face acceptable in the best clubs. There were no Doric temples in the Undercliff; but here was a Calypso. [103, 240]

В этом отрывке подтекстовая информация проявляется в ассоциативном сравнении автором героя и героиню с Одиссеем и Калипсо. «*There were no Doric temples in the Undercliff; but here was a Calypso*». Как Одиссей, который отправляется в кругосветное путешествие, чтобы возвратиться с новым осмыслением собственного я и окружающего мира, Чарльз также совершает странствие, но только символическое, итогом которого становится приобретение собственного «я» и переосмысление отношений к окружающей реальности. Выбор, который делает Одиссей между Пенелопой и Калипсо, считается выбором между смертностью и вечностью. Также перед Чарльзом стоит выбор между Эрнестиной-Пенелопой, которая олицетворяет моральную доктрину тоталитарного Викторианского общества, и Сарой-Калипсо, которая символизирует не только чувства и желания героя, но и его собственное «я», его подлинную индивидуальность. Использование ассоциативного мифологического

подтекста в романе дает возможность автору раскрыть внутренний мир главных героев и расширяет пространственно-временные границы романа, углубляя его философское содержание.

Другой пример ассоциативного подтекста можно увидеть в повести У. Фолкнера «Медведь»:

It was as if the boy had already divined what his senses and intellect had not encompassed yet: that doomed wilderness whose edges were being constantly and punily gnawed at by men with plows and axes who feared it because it was wilderness, men myriad and nameless even to one another in the land where the old bear had earned the name, and through which ran not even a mortal beast but an anachronism indomitable and invincible out of an old dead time, a phantom, epitome apotheosis of the old wild life which the little puny humans swarmed and hacked at in a fury of abhorrence and fear like pygmies about the ankles of a drowsing elephant; – the old bear, solitary, indomitable, and alone; widowed childless and absolved of mortality – old Priam reft of his old wife and outlived all his sons. [104, 142]

Где образ медведя становится символом девственной природы, уже обреченной под натиском цивилизации, хищного стремления людей обогатиться за счет природы, готовых уничтожить природу ради наживы. Убийство медведя ассоциируется с концом мира, которым можно было жить не по правилам общества, и началом нового мира, который оказался полностью под властью человечества.

Другой пример отрывок из романа Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера»:

As to the first, you are to understand, that for about seventy moons past there have been two struggling parties in this empire, under the names of Tramecksan and Slamecksan, from the high and low heels of their shoes, by which they distinguish themselves. It is alleged, indeed, that the high heels are most agreeable to our ancient constitution; but, however this be, his majesty has determined to make use only of low heels in the administration of the government, and all offices in the gift of the crown, as you cannot but observe; and particularly that his majesty's imperial heels are

lower at least by a drurr than any of his court (drurr is a measure about the fourteenth part of an inch). The animosities between these two parties run so high, that they will neither eat, nor drink, nor talk with each other. We compute the Tramecksan, or high heels, to exceed us in number; but the power is wholly on our side. [115, 51-52]

В этом отрывке подтекстовая информация ассоциирует две партии **high heels** и **low heels** с партиями которые существовали в Англии в начале восемнадцатого века. **The Tories** были консерваторами, которые были сторонниками королевской власти и большинство в Парламенте, **The Whigs** - либералы, которые хотели власти в Парламенте. Подтекстовая информация в романе показывает через путешествия главного героя политическую, социальную ситуацию в Англии.

Таким образом, из приведенных примеров можно сделать вывод, что при раскрытии подтекстовой информации важную роль играет, жизненный опыт и знания читателя, как в первом примере для раскрытия подтекста требуется мифологические знания, для осмысления второго примера жизненный опыт, а для последнего исторические знания. Эти знания необходимые для понимания содержательно-подтекстовой информации многие исследователи путают с пресуппозицией.

При анализе подтекстовой информации, некоторые ученые сравнивают ее с символом и пресуппозицией. Однако, символ представляется как отношение знака к знаку, может основываться на различных логических предпосылках. Так как символ предполагает отношение знака к знаку – он вербально выражен, а подтекст всегда скрыт, в то время как стилистические тропы и фигуры – метафора, гипербола, литота, ирония, сравнение и многие другие по своему значению прямолинейны в выражении двойственного смысла высказывания. «Подтекст – это неясное, размытое, а порой и неуловимое соотношение двух смыслов в отрезке высказывания» [26, 48]

Для выявления скрытой информации в поверхностной структуре текста важную роль играет также пресуппозиция. Пресуппозиция которая сравнительно недавно стала использоваться в лингвистической семантике,

считается необходимым семантическим компонентом, обеспечивающий наличие смысла в утверждении. В. А. Звегинцев отождествляет эти две понятия «один из уровней смысла относится к предложению, составляя его смысловое содержание, а другой выносится за пределы предложения (или высказывания) и образует условия правильного понимания, или его подтекст». [32, 250]

Однако считается, что подтекст совсем не «условия правильного понимания», а добавочная информация, которая выводится благодаря способности реципиента видеть текст как сочетание линейной (от латин. Linear- линейный) и супралинейной (supra-выше; linear-линейный) информации. Пресуппозиция определяется как фоновые знания входящие в составную часть предложения или высказывания, с помощью которых осуществляется условия экспликация имплицитного, подразумеваемого сообщения.

В лингвистике используется еще один термин при выявлении глубинного замысла из поверхностных структур т.е. импликация. Импликация определяется как вербально не выраженная информация в тексте, которая угадывается реципиентом из смысла предшествующих единиц текста. [13, 84-85] Текстовая импликация проявляется в микроконтексте, где границы определяются референтом - изображенной ситуацией в тексте. В импликацию включается также историческую эпоху, культура, творческая и личная биография писателя, также требуется подключение фоновых знаний получателя и экстралингвистического контекста.

Импликация, как и подтекст раскрывают дополнительную глубину содержания, однако в разных масштабах. Если текстовая импликация имеет ситуативный характер и ограничивается рамками эпизода, отдельного коммуникативного акта или черты персонажа, то в подтексте углубляется сюжет, более подробно раскрываются основные темы и идеи произведения. И. В. Арнольд считает, что иногда становится трудно различить и разграничить подтекст и импликацию, однако есть определенная необходимость в этом. [13, 85] В отличие от И. В. Арнольд, В. А. Кухаренко отождествляет понятия

импликации и подтекста, при этом трактует их как дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, которое реализуется за счет нелинейных связей между единицами текста. [38, 72]

Над вопросом разграничения понятий импликация и подтекст работал также А. Д. Швейцер. Он характеризует импликацию как тенденцию к подразумеванию семантических компонентов [75, 55]. Импликация обычно противопоставляется экспликации, которая представляется как намерение языков к открытому вербальному выражению семантических компонентов [75, 58]. Это определение, которое применяется в теории перевода, дает лишь незначительную возможность его применения в теории текста. Поскольку семантический компонент – это основная составляющая значения слова, которая обнаруживается с помощью анализа компонентов. Следовательно, импликация является категорией значения слова. Однако, на практике данный термин применяется в более свободном значении.

И. Р. Гальперин разграничивает подтекст и импликацию следующим образом: импликация, с одной стороны, предполагает, что подразумеваемое известно и поэтому может быть опущено. Подтекст, представляет собой такую организацию сложного синтаксического единства (и в некоторых случаях – предложения), которая пробуждает мысль, в целом не связанную с импликацией. Подтекстовая информация – это второй план сообщения [26, 49]

Таким образом, подтекст как второй план высказывания, что-то скрытый между фактуальной и концептуальной информацией. Идущие одновременно два потока сообщения, один из которых обозначен языковыми знаками, другой создается значениями этих знаков, в некоторых точках которые соприкасаются и дополняют друг друга, а иногда противоречат. Эта скрытость и неоформленность подтекстовой информации считается отличительной чертой, делая ее неопределенной и размытой и трудной для декодирования.

В некоторых текстах автор сам подталкивает читателя раскрыть подтекст, дает подсказки для более внимательного чтения, чтобы декодировать основную информацию скрытую в тексте или в его отрезке. Как пример можно привести

следующий отрывок из романа Торнтон Уайлдера «Мост Короля Людовика Святого»:

About two years after her return from Spain there took place a series of inconspicuous events that had a great deal to tell about the inner life of the Marquesa. Only the faintest allusion to them occurs in the Correspondence, but as that is found in Letter XXII which contains other signs I shall do my best to give a translation and commentary of the first part of the letter. [120, 9]

Использование автором в выступлении к письму выражений «*faintest allusion*» и «*contains other signs*» намекает читателю, что при внимательном чтении письма ему раскроется скрытая информация текста.

Are there no doctors in Spain? Where are those good men from Flanders that used to help you so? Oh, my treasure, how can we punish you enough for letting your cold endure so many weeks? Don Vicente, I implore you to make my child see reason. Angels of Heaven, I implore you to make my child see reason. Now that you are better, I beg of you, resolve that when the first warning of a cold comes you will steam yourself well and go to bed. Here in Peru I am helpless; I can do nothing. Do not be self-willed, my beloved. God bless you. I am enclosing in today's packet the gum of some tree which the sisters of San Tomás peddle from door to door. Whether it be of much use I know not. It can do no harm. I am told that in the convent the silly sisters inhale it so diligently that one cannot smell the incense at Mass. Whether it be worth anything I know not; try it. [117, 9-10]

Однако для того, чтобы осмыслить подтекстовую информацию данного письма, возвратится назад и прочитает несколько строк про материнские чувства Маркизы.

The knowledge that she would never be loved in return acted upon her ideas as a tide acts upon cliffs. Her religious beliefs went first, for all she could ask of a god, or of immortality, was the gift of a place where daughters love their mothers; the other attributes of Heaven you could have for a song. Next she lost her belief in the sincerity of those about her. She secretly refused to believe that anyone (herself excepted) loved anyone. All families lived in a wasteful atmosphere of custom and kissed one another

with secret indifference. She saw that the people of this world moved about in an armour of egotism, drunk with self-gazing, athirst for compliments, hearing little of what was said to them, unmoved by the accidents that befell their closest friends, in dread of all appeals that might interrupt their long communion with their own desires. These were the sons and daughters of Adam from Cathay to Peru. And when on the balcony her thoughts reached this turn, her mouth would contract with shame for she knew that she too sinned and that though her love for daughter was vast enough to include all the colors of love, it was not without a shade of tyranny: she loved her daughter not for her daughter's sake, but for her own. [117, 9]

При чтении письмо маркизы понимаешь что весь текст составлен так, чтобы показать тиранию материнской любви, которая проявляет себя во всей текстовой организации, в ее композиционно-стилистической фактуре и использовании фраз таких как «*Oh my treasure, I beg of you, angels of heaven.. . Here in Peru I am helpless; I can do nothing. Do not be self-willed, my beloved. God bless you* . Таким образом в тексте через лексические и стилистические приемы раскрывается совсем иное, скрытое значение, где дается характеристика матери, ее неутомимое излияние чувств, которыми она сама восхищается.

Информация – одна из интернирующихся категорий текста, которая проявляется на фоне целого речевого произведения в парадигме «автор – текст – реципиент». [67, 79] Она может быть выражена словесно или с помощью знаков, п эксплицитно или имплицитно в зависимости от функционального жанра, стиля, вида и типа высказывания, также учитывая отнесенность текста в определенному культурному наследию. Данная категория проявляется текстах художественных, так и нехудожественных, в виде различных типов текстовой информации.

В процессе анализа информации читатель осуществляет путь от понимания ключевой минимальной речевой единицы высказывания, которую соизмеряет с контекстом, до конкретной речевой структуры – информативного высказывания, которое выступает ключевым понятием по отношению к информативно-коммуникативной ситуации (тексту).

ГЛАВА II

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

2.1. Понятие сверхфразовое единство

Исследования по лингвистике текста главным образом направлены на изучение текста и отрезков внутри него. Текст представляет собой сложную структуру, которая непосредственно состоит из конstituентов. Членение текста на составляющие его единицы является одним из главных вопросов стоящим перед исследователями лингвистики текста, так как оно связано с особенностями отражения окружающей действительности в сознании людей. [69, 115] Согласно исследованиям текст может быть членен по различным принципам, среди которых можно отметить: синтактико-смысловой, композиционно-смысловой, объективно-прагматический, контекстно-вариативный и другие.

Синтактико-смысловое членение, осуществляется выделением композиционно-речевых единиц текста, которые имеют большое количество терминологических наименований: «сложное синтаксическое целое» [57], «сверхфразовое единство» [25], «связное высказывание» [34], «абзац» [41], «прозаическая строфа» [65], «гиперфраза» [94] и др. Однако, «сверхфразовое единство», несмотря на наличие других наименований, остается наиболее употребительным в настоящее время и данной работе в отношении этих единиц отдается предпочтение употреблению этого термина.

Сверхфразовое единство (здесь и далее СФЕ) является очень значимым при изучении текста как объекта лингвистики текста, так как считается связывающим звеном его плана содержания и плана выражения.

Текст как содержательное единство, характеризуется многотемностью, т.е. своеобразной организацией частных тем, связанных друг с другом и которые подчинены единому замыслу. СФЕ, свою очередь квалифицируется как

минимальная единица семантико-синтаксического членения текста и представляет собой «группу предложений, раскрывающих одну микротему (частную тему) и образующих на этой основе формально-смысловое единство, имеющее достаточно определенные границы» [66, 485]

Следует отметить то, что СФЕ считается единицей как объемно-прагматичного, так и структурно-смыслового членения текста, которое отображает взаимосвязь содержания и смысла. Так фрагмент текста с определенной микротемой, считается промежуточным звеном между предложением и текстом, иными словами представляется как мини текст в тексте.

Большая заслуга в изучении этого единства принадлежит Н. С. Пospelову. Он был один из первых обосновал и описал данную речевую единицу назвав сложный синтаксическим целым, в своей статье «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке», который был опубликован еще 1948 г., ученый подчеркивает важность ССЦ при осмыслении синтаксического строя связной речи, так как предложение не обладает достаточной самостоятельностью, в отличие от сложного синтаксического целого как единицы, более независимой от окружающего ее контекста связной речи. [56, 41] Н. С. Пospelов, вводя ССЦ в лингвистический обиход дает следующее определение «группа предложений, синтаксически объединенная различными средствами и способами». [56, 41]

В дальнейшем изучению СФЕ посвящаются работы многих лингвистов среди которых можно отметить А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, И. Я. Гальперина, О. И. Москальской, Е. А. Реферской, Н. И. Серковой, Н. Я. Тураевой, Г. Я. Солганника и Т. И. Сильмана, исследованиями которых был закреплён статус СФЕ как единицы лингвистики текста, имеющий собственные признаки формальной, лексико-синтаксической и семантико-стилистической организации.

Обычно СФЕ определяется как «цепь предложений, объединённых общностью значения, определёнными синтаксическими и интонационными

связями и образующих относительно независимые от контекста смысловые единства», [62, 89] «группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с предложением развитие мысли», [65, 95] «специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание». [48, 13]

Относительно разностороннее определение СФЕ дается в работах И.Р. Гальперина, он считает СФЕ не только механической суммой предложений, а качественно новым структурно-смысловым образованием, параметры которого в корне отличаются от параметров предложения; в его работах СФЕ понимается как сложное структурно-семантическое единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, которое имеет смысловую целостность в контексте связной речи и выступает как часть завершенной коммуникации. [26, 69]

Л.М. Лосева дает более конкретное определение СФЕ как «сочетание отдельных предложений, содержащее относительно полное в своем составе микротему», [42, 20] сравнивая СФЕ с маленьким рассказом, которую возможно озаглавить.

Однако, при рассмотрении СФЕ как сложной структурно-смысловой единицы, состоящий из комбинаций предложений, ученые нередко сталкиваются с проблемой делимитации (выделения) СФЕ и нахождения критериев членения текста и его частей. З.Я. Тураева исследуя этот вопрос предлагает следующие критерии среди которых выделяет: смысловой критерий (наличие единой микротемы); логический критерий; синтаксический критерий; ритмомелодический критерий; эмоциональный критерий; прагматический критерий. [69, 115] Основным критерием З. Я. Тураева считает смысловую дискретность, которая предполагает законченность и самостоятельность единств.

СФЕ как отрезок письменного или устного текста, характеризуется следующими важнейшими признаками как, 1) завершенность, логико-смысловое общность составляющих элементов, которое проявляется в монотемности и замкнутости содержания; 2) объединение составляющих в одно целое по

определенной структурной схеме; 3) принадлежностью всех составляющих элементов к общему модальному плану; 4) видо-временное соотношение глаголов сказуемых предложений ; 5) наличие особых типов связи между предложениями СФЕ; 6) наличие средств связи между предложениями; 7) соотносительность предложений по длине.

Таким образом, СФЕ считается единицей текста, которая может состоять из одного предложения так и из комбинации предложений, объединенных единой частной темой, отличающиеся смысловой и функциональной завершенностью. Точка ослабления микротемы , где в следующем предложении раскрывается новая тема считается границей СФЕ. При этом единства связаны между собой разноуровневыми связями.

СФЕ как сложная структурно-смысловая единица имеет определенную композицию, которая характеризуется наличием зачина, средней части и концовки. [65, 93]

Зачин — верхняя граница СФЕ, первое предложение которое вводит начало мысли и все последующие предложения зависят от него, раскрывая микротему. Формально зачина оформляется специальными синтаксическими конструкциями в функции которых могут выступать обстоятельства места, времени которые могут указывать на смену обстоятельств или новый этап действий в повествовании, лексическими средствами, обозначающие появление новых персонажей.

Средняя часть сверхфразового единства продолжает раскрывать микротему, введенную зачином, считается наиболее объемной частью сверхфразового единства, так как в этой части сосредоточена основная информация. Основной характеристикой средней части, кроме объема считается его не самостоятельность и зависимость от зачина, которая выражается с помощью неполных предложений, местоимений и повторений.

Концовка своеобразная композиционная точка единства, представляет собой обобщенную часть, подводящую итог микротеме, которая подчеркивается смысловыми и грамматическим параметрами. Следует отметить, что данная

структурная композиция не всегда полная, зачин и концовка не являются обязательными компонентами сверхфразового единства и могут отсутствовать.

Следует отметить, что в исследованиях СФЕ широко используется также учение о синсематических и автосемантических предложениях. Синсемантические предложения в которых имеются связывающие сигналы с другими предложениями, а автосемантические предложения не имеющие таких сигналов. Данное учение лежит в основе выявления понятий СФЕ в работах Н. Д. Зарубиной, которая четко разграничивая эти предложения, называет СФЕ отрезок между двумя автосемантическими предложениями. [33, 48]

В составе СФЕ отдельные предложения служат для выражения микротемы и взаимно-дополняя друг друга раскрывают ее. [48, 14] Следовательно, можно прийти к выводу, что информация выводимая из СФЕ, не является простой арифметической суммой информации которая заключается в составляющих единство предложениях. Такое качественное переосмысление содержания считается результатом взаимодействия целого и частного, когда двусторонняя связь проявляется в воздействии зависимого (предложений) на независимое (СФЕ в целом). В силу этого, в семантическом плане все составляющие единства обладают смысловой синсематикой. Ее степень варьируется в зависимости от позиции составляющего элемента и роли которую он играет в развитии содержания сложного целого.

Также следует отметить, что большую роль в выделении сверхфразовых единств играет категория связности, которая играет роль синсематики и благодаря которой сверхфразовые единства воспринимаются читателем как структурно-смысловое пространство текста.

Связность текста определяется, как свойство концентрировать внимание читателя на главном объекте повествования (описания), последовательно раскрывая разные стороны этого объекта, выделяя среди них существенные, которые служат опорной точкой для сосредоточения внимания на них в дальнейшем.

Связность текста обнаруживается в закономерностях расположения слов в каждом единстве в зависимости актуального членения каждого последующего предложения от предыдущего. Для осмысления смысловой структуры текста и авторского замысла важным является содержание отдельного СФЕ и взаимосвязь между СФЕ как составляющие текста.

Данная категория реализуется в речевом произведении самыми различными видами средств связности и использование тех или иных видов для определения сверхфразовых единств обуславливает разнообразие подходов к теории текста. В ранних этапах развития лингвистики текста в основном использовались собственно грамматические средства связности. И.А. Фигуровский при исследовании текстовой связанности воспользовался грамматическими средствами связи, существующими внутри сложных предложений. [71, 41] В дальнейшем более сложные грамматические средства связности были выделены Б. А. Масловым.

Согласно предположениям Б. А. Маслова предложения в тексте не просто следуют друг за другом, а связаны между собой только по смыслу. Средствами связи предлагает считать, взаимозависимую оформленность предложений по категориям наклонения, времени, вида, рода числа. В тексте, по мнению ученого, предложения не могут реализовать свои парадигматические варианты, так как существуют некоторые формальные ограничения их сочетаемость. Там где прекращаются ограничения, считается границей СФЕ. [46, 54]

В дальнейшем были разработаны и лексические средства связи. Н.С. Пospelов наряду с грамматическими средствами межфразовой связи такие как сочинительные союзы в функции присоединения, бессоюзные присоединительные связи, то или иное сочетание простых и сложных предложений, соотносительность употребления форм глагола-сказуемого по их видо-временному значению и выделяет лексические тоже, к которым относятся указательные и анафорически употребления личных, притяжательных и других местоимений, наречия, обстоятельственные сочетания, модальные слова. [56, 29]

Л.А. Булаховский в свою очередь выделяет: 1) смысловые, к которым относит местоимения: анафорические, личные, указательные; 2) грамматические союзы и вводные слова, которые употребляются на границе фраз; заключительные союзы и модальные слова. [18, 2]

В зарубежной лингвистике категория связности компонентов текста, были разработаны в работах М. Халлидея и Р. Хасана. Классификация исследуя категорию связности «когезии», выделяет следующие типы связности как репетиция, субституция, эллипсис, конъюнкция, лексическая связность и грамматическая связность. [83, 10]

Подводя итог можно сказать, что все классификации межфразовых связей по характеру связывающей функции делятся на смысловые (лексико-стилистические и лексико-грамматические) и структурные (структурно-грамматические).

Смысловые включают следующие средства связности: тематическая лексика; слова и словосочетания (не раскрывающие своей семантики в пределах предложения – слова с пространственным, временным, предметным, качественно – оценочным и процессуальным значением); анафоры и катафоры; профессионализмы; личные и указательные местоимения, местоименные слова; лексический, синонимический и местоименный повтор; синонимическая замена; дейктические слова. К структурным, в свою очередь, относятся порядок слов; синсематические элементы (союзы, союзные слова, частицы, наречия указательные, наречия местоименного характера); присоединительные и парцеллированные конструкции; эллиптические обороты; детерминанты; вводно-модальные слова; артикль; видовременная соотнесенность предложений; полный или частичный параллелизм.

Таким образом, вышеуказанные средства фразовой связи, не являясь лексическими и грамматическими средствами на уровне предложения, составляют структуру текста и его частей, употребление которых в тексте главным образом зависит от функционального стиля и жанра речевого произведения, а также от индивидуально-авторской манеры. Также, основываясь

на отмеченные средства связи лингвисты классифицируют различные виды связей объединяющих предложения внутри единств.

Г.Я. Солганика, называя СФЕ прозаической строфой, выделяет три вида связи предложений в единств: цепную связь, параллельную и смешанную. [65, 132] Н. А. Турмачева при анализе формальный и лексических связей внутри СФЕ кроме вышеуказанных выделяет также лучевую, присоединительную и ситуативную. [70, 25] Однако, главными считаются цепная и параллельная. Данные виды связи определяются Г. Я. Солгаником из анализа связи суждений, с которой он сравнивает «движение мысли» в тексте. Именно направление развития мысли связывает эти суждения в единое целое. [65, 122]

Цепная связь, по мнению ученого проявляется в постоянных, устойчивых, повторяющихся структурных соотношениях частей предложений: «подлежащее-дополнение», «дополнение-подлежащее», «подлежащее-подлежащее», «дополнение-дополнение». Данная связь характеризуется как плавный переход от одного предложения к другому, где последующее предложение раскрывает предыдущее или предыдущие предложения и «цепляется» за другое как по смыслу, так и грамматически, образуя при этом тема-рематическое единство. Относительно самостоятельным считается только первое предложение, остальные реализуют свою коммуникативную функцию в контексте, и взаимодействуя с другими предложениями образуют грамматическое и смысловое единство в СФЕ. В цепной связи в качестве основных средств применяются лексические повтор слов, синонимы, модальные слова, местоимения, наречия, союзы, частицы. Большое значение также имеют видовременные формы глаголов – сказуемых и порядок слов в предложении. [65, 134-136]

При параллельной связи предложения, входящие в прозаическую строфу, характеризуются определенной самостоятельностью. В них обычно наблюдается синтаксический параллелизм, который выражается с помощью употребления предложений схожих по структурному типу (распространённые или нераспространённые, двучленные или одночленные, осложнённые или

неосложнённые, простые или сложные), одинаковый порядок слов в предложении, соотнесённость видо-временных форм глаголов-сказуемых. Сверхфразовые единства с параллельной связью обычно применяются, чтобы описать ряд сменяющихся действий, явлений, состояний, картин. Важным условием сложных высказываний с параллельной связью считается то, что первое предложение представляется как более просторная картина, которая вводится в содержание сложного единства, а остальные предложения раскрывают разные стороны содержания первого. [65, 136-137]

Таким образом, сверхфразовое единство как основная составляющая текста и единица лингвистики текста, образуется из совокупности предложений, связанных между собой тем или иным типом связи, которые формально выражаются помощью грамматических, лексических и др. средств связности.

2.2. Лингвистилистические средства межфразовой связи :повторы, параллелизмы, союзы, детерминанты, порядок слов

Среди всех средств межфразовой связи самым универсальным и распространённым считаются повторы. Смысловое единство текста – его связанность непосредственно создается повторением его элементов. Многие исследователи утверждают, что необходимым условием связности текста является повторение опорных слов в различных синтаксических ролях. Однако, в тексте используются также повторение звуков, морфем, выражений , даже целых предложений в определенной последовательности или даже без какого-либо конкретного размещения для обеспечения связности компонентов произведения.

В зависимости от коммуникативной цели в тексте могут повторяться целые предложения, отрезки предложений и отдельные слова. Являясь одним из основных средств связи компонентов текста, повторы состоят из двух частей: повторяющей и повторяемой. Межфразовая связь между составляющими текста

проявляется через воссоединение этих частей, которые усиливают значение целого текста.

Повтор как средство связи законченных предложений, считается необходимым фактором создания текста. К. М. Абдуллаев обращая внимание на эту функцию повторов пишет: «Ясно, что в тексте могут повторяться предложения и словосочетания, а также лексические единицы... Естественно, это дает нам возможность утверждать, что повтор по определению выступает в качестве самого мощного текстообразующего фактора. В тексте встречаются такие запутанные моменты, когда повторы эффективно раскрывают скрытую мысль». [4, 189]

Безусловно, в связанных между собой предложениях с помощью повторов мысль передается реципиенту более быстро и ясно. Об этом указывают многие лингвисты в своих исследованиях. Так например, Т. И. Сильман считает что повторение опорных слов выдвигает тему текста на первый план, также является эффективным средством смыслового разграничения ремы. [64, 7]

Следует заметить что, повторяющиеся слова могут использоваться в тексте в различных формах, создавая при этом различные виды повтора. Поскольку, давняя традиция учит избегать повтора одних и тех же слов, с целью создания лексического разнообразия, выделяются также синонимичный и синтаксический повтор. Однако многие писатели используют лексические повторы тематических слов в тексте или в его отрезках, для передачи важной для авторской мысли читателю в более эмоциональном виде. Исследователи называют такие повторы как «сознательные повторы», роль которых сводится к стилистической структуре текста, и отмечает, что в этом случае повторы используются для определенной цели, сделать произведение более экспрессивной и эмоциональной.

В различных стилях и жанрах лексический повтор используется по разному. Как, например в научных и официально-деловых повтор слова считается основным средством связности, в художественных текстах повторы часто

используются для описания местности или для изображения внешности героев. [2, 148]

Лексические повторы связаны не только со синтаксической структурой текста, но и языка, и при этом подчинены определенным языковым закономерностям. Так М. Адилов указывая на важность повторов в языке, отмечает что, «повторы проявляются в языке иногда в виде использования исторических выражений, которые сохранились в языке, также в результате переводов из других языков, иногда также благодаря индивидуально-авторским неологизмам или сокращением слов или словосочетаний. [5, 187]

При изучении лексических повторов играет важную роль частота их употребления и места расположения в тексте. Обращаясь к вопросу употребления повторов в тексте З. Я. Тураева пишет, что повторение слова в его полной форме свойственно только поэмам, в художественных текстах используются метонимическое или сравнительное повторение. [69, 117]

Расположение лексических единиц также играет важную роль в организации текста, различают контактные, дистантные и смежные лексические повторы. Контактным считается повторение элементов, размещенных близко друг к другу. Дистантным является повторение слов, которые отделены друг от друга словом, сочетанием слов или предложением. Под смежными понимается повторение слов, которые находятся рядом, но входят в композиционную структуру разные словосочетания или предложения. Могут повторяться слова, относящиеся различным частям речи: существительное, прилагательное, глагол деепричастие, наречие и т.д. Следовательно, выделяют: субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, местоименные повторы а также повторы служебных частей речи (союзы, предлоги, частицы).

Таким образом, лексические повторы, употребляясь в предложении или в нескольких предложениях, усиливают эмоционально-экспрессивное содержание текста. Следовательно, к содержательно-фактуальной информации ничего не добавляет. Однако, как стилистический прием помогает читателю воспринять глубокий пласт произведения-содержательно-концептуальную информацию и

выполняет семантико-синтаксическую связь между предложениями, в то же время сосредоточивает внимание читателя на семантике повторяющихся слов, которые раскрывают композиционно- смысловую структуру СФЕ и всего текста.

Различают полные лексические повторы, частичные, нулевые лексические повторы и повторы с местоимениями. Каждый из которых могут использовать в однокомпонентных и двухкомпонентных СФЕ в виде отдельных слов, словосочетаний, фраз и даже предложений. [4, 65] Известный лингвист В. Г. Гак исследуя повтор номинаций на уровне предложений отмечает, что если при воспроизведении слов можно использовать местоимения, то предложения сохраняют свою структурно семантическую композицию. Предложения при повторе не несут новую информацию, однако сохраняя свою эмфатичность, используются для выражения важных эмоциональных значений. [23, 95]

Полный лексический повтор используется в тексте, для точного выражения информации определенного события, ситуации, человека или объекта. При этом номинация этого объекта может повторяться в тексте или в СФЕ одним и тем же словом.

Лексические повторы играют важную роль в строение текста, так как служат для более яркого выражения значения текста.

Реализация связности через лексические повторы весьма распространено в классической художественной литературе. Так, например:

*It was my **birthday**. There were holidays at school on other **birthdays** – none of mine. There were rejoicings at home on other **birthdays**, as I knew from what I heard the girls relate to one another – there were none of mine. My **birthday** was the most melancholy day at home I the whole year. [100, 25]*

В данном отрезке повторяется четыре раза слово **birthday** в трех предложениях составляющих единство. Лексическое повторение опорного слово связывает компоненты СФЕ, при этом делая зависимым последующие предложение от предыдущего и раскрывая микротему отрезка.

Другой пример СФЕ с диалогом из рассказа «The Purple Pileus»

Surely you don't 'old with not having a bit of music on a Sunday, Mr. Coombes?" said the new guest, leaning back in the arm-chair, blowing a cloud of cigarette smoke and smiling in a kind of pitying way. And simultaneously his wife said something to Jennie about "Never mind'im. You go on, Jinny."

"I do," said Mr. Coombes, addressing the new guest.

"May I arst why?" said the new guest, evidently enjoying both his cigarette and the prospect of an argument. [116, 32]

В приведенном отрывке между героями нагревается ссора, где хозяин выражает свой протест происходящим в его доме и резко разговаривает с гостями. Заметим, что привычного в таких контекстах явлений референции, характеризующимся заменой в связном отрезке текста наименований, свойств иди действий такими детерминантами как местоимения, здесь не наблюдается. Вместо этого используется лексический повтор выражение **the new guest**, для того чтобы подчеркнуть безликость гостя для читателей и его отчужденность от хозяина. Следует обратить внимание, на то, что в стартовой реплике гостя прослеживается параллелизм причастных оборотов, использованный автором для придания динамичности и одновременности происходящего. Причастие также встречается в последней реплике, что подтверждает то, что в данном отрезке использована грамматико-синтаксическая связность

Полным лексическим видом считается также употребление определенного и неопределенного артикля с словом так например:

*In the late summer of that year we lived in **a house** ina village that looked across the river and the plain tothe mountains. In the bed of the river there were pebbles and boulders, dry and white in the sun, and the water wasclear and swiftly moving and blue in the channels. Troops went by **the house** and down the road and thedust they raise d powdered the leaves of the trees. [105, 5]*

Следующим видом лексического повтора считается лексический повтор, где происходят неопределенный артикль в следующем компоненте повторения

В приведенном отрывке, взятом из рассказа Г. Уэльса «A Catastrophe» автором использован также лексический повтор, но отягощенный спецификой номинации, что создает частичный повтор:

*Then he drove towards an agony of self-reproach. He had spent too much on that **cash-desk**. What real need was there of **a desk**? He saw his vanity of **that desk** in a lurid glow of self-discovery. [116, 20]*

В приведенном СФЕ, слово **desk** сперва определяется указательным местоимением и конкретизирующим классификатором **cash**. Во втором случае повторяемое слово сопровождается неопределенным артиклем, что сигнализирует смещения предмета на абстрактное ее существование. В конце единица снова конкретизируется указательным местоимением **that**. Использование такого рода повтора раскрывается основная тема где, главный герой отчаивается за обдуманный поступок, когда он выложил необходимые ему деньги за ненужную вещь.

*Everyone **talked** a little louder than natural in an instinctive desire to make the party go, and there was a great deal of noise in the room. But there was no general conversation. **Each one talked** to his neighbour; to his neighbour on the right during the soup, fish, and entree; to his neighbour on the left during the roast, sweet, and savoury. **They talked** of the political situation and of golf, of their children and the latest play, of the pictures at the Royal Academy, of the weather and their plans for the holidays. There was never a pause, and the noise grew louder. Mrs. Strickland might congratulate herself that her party was a success. Her husband played his part with decorum. Perhaps **he did not talk** very much, and I fancied there was towards the end a look of fatigue in the faces of the women on either side of him. They were finding him heavy. Once or twice Mrs. Strickland's eyes rested on him somewhat anxiously. [109, 15]*

В приведенном отрезке не полный лексический повтор выражается повторением форм глагола сказуемого **talked** с различными подлежащими, раскрывает значение отрывка, где повторением подчеркиваются основные стороны повседневной жизни буржуа и использованием повтора с

отрицательной частицей в конце раскрывается характер героя. Также в данном отрывке, используется синтаксический параллелизм с выражениями **to his neighbour/ to his neighbour on the right during the soup, fish, and entree/ to his neighbour on the left during the roast, sweet, and savoury**, более того параллелизм выражений **of the political situation and of golf/ of their children and the latest play/of the pictures at the Royal Academy, of the weather and their plans for the holidays**, использование которых еще более усиливают связность компонентов и раскрывают основную информацию отрывка, усиливая при этом экспрессивность.

Третий вид Третий вид повтора считается повтор с местоимением. При этом повторяемое слово в следящем компоненте текста заменяется соответствующим местоимением. Местоимения используются для создания анафорических и катафорических связей в тексте.

*The curate's name was **Galloway**; he was a tall thin ungainly man with untidy black hair and a small sallow dark face. I suppose **he** was quite young, but to me **he** seemed middle-aged. He talked very quickly and gesticulated a great deal.* [108, 42]

В данном отрывке компоненты связаны анафорической связью – заменой первого элемента на личное местоимение в последующих предложениях.

В следующем примере части СФЕ связаны катафорической связью, где личное местоимение указывает на героин в последующем предложении.

She rang Michael up and made an appointment with him at the theatre. Michael liked Dolly as little as she liked him, though for other reasons, and when he heard that she wanted to see him he swore. [112, 152]

Исследуя текстообразующую функцию местоимений, А. Абдуллаев отмечает важную роль указательных местоимений *that this*, которые играют функцию идентификации в тексте, также связывают предложения внутри отрезка и предыдущим контекстом. [1, 95]

Последний вид лексических повторов нулевые повторы также называются эллиптическими. В нулевых повторах в которых слова воспроизводятся в различных значениях опускается один из компонент повтора, при этом адресат

с помощью полученной информации из ситуации или контекста может понять значения текста, несмотря на использование эллиптического повтора. Так, например:

*The dinner was as hearty an affair as the breakfast, and was quite as noisy, without the tears. Then **came** the dessert and some more toasts. Then **came** the tea and coffee; and then, the ball. [100, 341]*

В приведенном отрывке глагол **came** в первом случае употреблено в одном значении, а в конце глагол опущен, однако именно в этом эллиптическом обороте глагол используется в другом значении. В первых двух случаях глагол **came** употребляется в значении принесли, подали, сервировали, в последнем означает начало бала.

Следует отметить, что повторяющиеся комбинации могут создать на любом языковом уровне параллелизм. Параллелизм сопоставляет сегменты текста и образует симметричные построения, также упорядочивает композиционную структуру и воссоздает смысловую однородность данных сегментов. Параллелизм используется для преодоления линейности текста и заставляет реципиента возвратиться к ранее прочитанному отрезку текста и сопоставить его с частью прочитанным в данный момент. [50, 132]

Разливают частичный или полный параллелизм в СФЕ или в тексте. Полный параллелизм повторение идентичных отрезков или отдельных предложений через соответствующие предложения. Так в примере:

*Coketown had been ruined so often, that it was amazing how it had borne so many shocks. There never were such fragile china-ware as that of which the millers of Coketown were made. Handle them never so lightly and they fell to pieces. **They were ruined when** they were required to send laboring children to school; **they were ruined when** inspectors were appointed to look into their works; **they were ruined when** such inspectors considered it doubtful whether they were quite justified in chopping people up with their machinery. [99, 95]*

Повторение **they were ruined** в СФЕ имеет функцию нарастания и убеждения. Параллелизм увеличивает силу высказывания, усиливает напряженность в повествование.

Частичный параллелизм это воспроизведение частей последовательных предложений или частей придаточных предложений с некоторым изменением:

One of the wisest men in the world acted like an idiot for no reason. One of the best men in the world acted like a fiend for no reason. [97, 14]

В данном отрывке два идентичных предложения, отличаются лишь синонимами **wisest – best** и **idiot – fiend**, использование которых создает в отрывке частичный параллелизм.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, мы приходим к выводу, что межфразовая связь, осуществляемая через лексические повторы, представляет собой широко распространенное выразительное средство, обеспечивающее континуум повествования. Повторения одних и тех же слов в структуре СФЕ одновременно выполняют несколько функций, помимо функции основной текстовой связи они также сочетают экспрессивность, эмоциональность и функционально-стилистические черты.

К основным грамматическим средствам связи между компонентами текста на синтаксическом уровне можно отнести союзы. Следует отметить то, что эти языковые элементы как средства связи между отдельными предложениями были уже давно изучены в традиционном языкознании.

Широкое применение таких формальных средств как союзы с первого взгляда затрудняет выделение связного текста из последовательности предложений, однако это условие подтверждает тот факт, что союзы используются не только в предложениях, но и в рамках текста. Таким образом, союзы и союзные речения в традиционной грамматике считаются средствами связи в сложных предложениях, а также служат средствами связи между более крупными отрезками как сверхфразовое единство и абзац в лингвистике текста. Ч. Филлмор отмечает, что в каждом языке существуют способы упрощения предложений связанных союзами, и процессы используемые в этих условиях,

кажутся точно такими же которые используются для связи предложений в тексте. [82, 83]

В качестве средств выражения межфразовой связи в СФЕ чаще всего встречаются соединительные и противительные союзы **and** и **but**. Однако при составлении сложно-сочиненных предложений по традиционной схеме предложение+предложение, главным ограничением считается отнесение его составляющих к одному грамматическому типу, т.е. соединение вопросительных и утвердительных предложений не соответствует грамматическим правилам. Однако основными условиями составления сверхфразовых единства, считаются включение его компонентов в рамки контекста и передача текстовой информации реципиенту.

Таким образом, союзы в тексте обладают своей композиционно-смысловой и синтаксической функцией. Внимание читателей на союзах не задерживается, однако эти грамматические средства переакцентируются и становятся средствами межфразовой связи, с помощью которых текстовая информация воспринимается читателем, но при этом не лишаются полностью своих системных свойств. Союзы в тексте реализуют две функции одновременно и грамматическую и текстообразующую. Некоторые авторы, такие как Эрнест Хемингуэй, часто используют их строить свои литературные тексты. Использование союзов для изображения аддитивных и временных отношений, очень характерно для стиля Эрнеста Хемингуэя [91, 24]

Для анализа обратимся к примерам:

*The world is a fine place **and** worth the fighting for and I hate very much to leave it. **And** you had a lot of luck, he told himself, to have had such a good life.* [106, 202]

В приведенным отрывках союзы **and** связывают части предложения и предложения в составе единств, обрамляя текст, соединительный союз создает отношения аддитивизма между предложениями, что объединяет текст и создает единую микротему.

Причинно-следственные отношения между компонентами текста также выражаются с помощью союзов. Эти средства связи используются, прежде

всего, для обслуживания определенную прагматическую цель отправителя. Такие текстовые маркеры аргументации объясняют логическую структуру рассуждения. Так например:

The best thing you can do for her is to do the job well and fast and get out, and thinking of her will only handicap you in this. So do not think of her ever. [106, 210]

В данном отрывке союз **so** может быть представлен как пример, с помощью которого создаются причинно-следственные отношения между предложениями, через которое передается текстовая информация реципиенту и объясняется аргументация, что для спасения возлюбленной он должен перестать думать о ней и бороться.

Также следует обратить внимание на реализацию противительных отношений в тексте через союзы:

All through this war we have suffered from a lack of discipline and from the disobeying of orders and I will wait a while still for the Inglés. But if he does not come soon I must go in spite of all orders for I have a report to make it now, and I have much to do in these day, and to freeze here is an exaggeration and without utility. [106, 187]

В приведенном примере, который состоит из двух сложных предложений, отношения между компонентами выражается союзом **but**, и вместе с другими формальными средствами связи создается структурно-композиционную целостность отрывка.

Таким образом, из приведенных примеров можно сделать вывод что, функции союзов с СФЕ весьма значительны, они не только участвуют в композиционной оформлении текста, но являются важным компонентом семантико-смысловой организации текста.

Другим не менее важными средствами межфразовой связи считаются детерминанты. В функции детерминантов в предложении обычно выступают обстоятельства времени, места, и др., которые являются неотъемлемой частью структурно-смысловой целостности текста. Важность обстоятельств отмечал и

академик В. Виноградов, который писал, что пространственно-временные, причинно-следственные, условные и другие обстоятельства как второстепенные члены предложения относятся не отдельным членам предложения, являются распространителями всего предложения в целом. [21, 55]

Выделяют структурные, локативные, субъективные, объективные, темпоральные и др. виды детерминантов. Наиболее распространенными считаются темпоральные указывающие на время действия всего текстового фрагмента и локативные на место действия. Временная и локальная отнесенность вместе определяют и устанавливают смысл высказывания как грамматически организованной единицы коммуникативного акта, которая выражается в отношении говорящего к настоящей действительности и воплощает в себе законченную мысль.

Временная отнесенность которая считается одним из обязательных признаков предложения, включается современной лингвистикой в категорию предикативности. [49, 109] Временные указатели могут выражаться различными частями речи и уточняются обстоятельствами времени, основным критерием при этом считается отсутствие системных связей со главным глаголом и тематический характер в актуальном членении высказывания. Следовательно, на уровне традиционного синтаксиса они не относятся к структурному ядру предложения, а выступают как временной фон всего высказывания и упрощает восприятие текстовой информации.

В тексте временные указатели выражаются предложными именными конструкциями, также обозначениями единиц измерения временных интервалов и названиями некоторых из них. Так, например:

*He'll end up in the Cabinet **one day**, make no mistake. But somewhere at the back of that mind is the vague knowledge that he and his pals have been plundering and fooling everybody for generations.* [114, 46]

В приведенном отрывке из пьесы Дж. Осборна «Оглянись во гневе» временной указатель выраженный единицей измерения времени, указывает на будущее время действия, при этом изменяет временной фон всего высказывания.

Также временные указатели могут выражаться периодами времени, которые также имеют качественные характеристики.

*Why, everything'll be just the same if you'll only be reasonable. I mean, we can go flying on Saturday afternoons same as we always did. Just **this** time I've been engaged it's been difficult. You see, she can't see what there is in kite-flying, but she'll come round to it, and **after I'm married** it'll be different, I mean I can come and fly with you and Dad; that stands too reason. [111, 104]*

В данном отрывке темпоративный детерминант выражается **after I'm married**, указывает не только на период времени отрезка но и на качественные характеристики, связывает части единства в единое структурно-семантическое целое.

*Hamel hesitated no longer but walked up the narrow path with swift, buoyant footsteps. **Everywhere** he seemed to be surrounded by the glorious spring sunshine. It glittered in the little pools and creeks by his side. It drew a new colour from the dun-colored marshes, the masses of emerald seaweed, the shimmering sands. [106, 184]*

В данном отрывке компоненты связывается локативным детерминантом в роли которого выступает местоимение **everywhere**, которое определяет место действия СФЕ, также раскрывает изменение чувств героя при виде окружающей его природной красоты.

В итоге, из приведенных примеров становится понятным, что детерминанты представляются не только, как компоненты содержательной структуры, в виде аспекта общей семантики ситуации. А, сплавом содержания с его формальным и смысловыми представлением, иными словами, выполняют функцию темпоральной и локативной организации текста, также связывают речевые единицы внутри текста.

Одним из важных средств межфразовой связи в английском языке также является порядок слов. Выбор порядка слов (постановка на первое место дополнения или обстоятельства) зависит от смысловых отношений в контексте.

Как правило, наиболее значимые по отношению к предшествующему предложению слова становятся либо в самом начале либо в самом конце,

обуславливая этим тот или иной порядок слов. Примеры инверсии в художественных текстах встречаются часто:

Slowly and sadly did the two friends (Mr. Jingle and Mr. Pickwick) and the deserted lady return next day in the Muggleton heavy coach. Dimply and darkly had the sombre shadows of a summer's night fallen upon all around, when they reached Dingley Dell and stood within the entrance of Manor Farm. [100, 195]

В данном отрывке основная сила логического ударения приходится на слова выделенные слова **slowly** и **sadly**. Инверсия использована с целью выделения этих слов для выражения душевного состояния героев. Такая расстановка слов связывает первое предложение со вторым, и сочетание которых создает сложное синтаксическое целое, и необычный порядок слов способствует созданию тесных связей между его компонентами.

Инверсия, с одной стороны выделяет значимые слова внутри предложений, на которые падает логическое ударение, при этом выделение таких слов придает им функцию связывающего элемента.

Итак, можно сказать, что происходит двусторонний процесс. С одной стороны, происходит закономерный процесс влияния внешних связей на порядок слов и ритмомелодию самостоятельных предложений в СФЕ. С другой стороны, порядок слов и место логического ударения в предложении несут на себе большую синтаксико-семантическую нагрузку, объединяя предложения внутри сверхфразового единства, так и с предыдущим и последующим контекстом. Это не трудно доказать, изменив порядок слов. Так, например:

*We therefore **infer** that there exists something which is not material. But of this something we have no idea. [101, 245], сказать: We therefore infer that there exists something which is not material. But we have no idea of this something.*

Становится очевидным, что связи выраженные автором, нарушились. Центр логического ударения переместился со слов **of this something** на слово **no idea**. При этом союз *but* выступает на первом месте, как выразитель противительных отношений. Однако автор хотел подчеркнуть не то, что мы не знаем об этом нечто материальном, а не знаем, что представляет собой это нечто

материальной. Таким образом, когда меняется порядка слов и убираются с первых мест сцепляющие слова, акценты смещаются, что соответственно меняется соотношения между предложениями и нарушается межфразовая связь. Нужно отметить, что при начальном положении сцепляющих слов инверсия не обязательна, так например:

A very regular feature on the face of the country, Stone Lodge was. Not the least disguise toned down or shaded off that uncompromising fact in the landscape. A great square house, with a heavy portico darkening the principal windows. [99, 86]

Сцепляющие слова **a very regular feature on the face** выступает на первом месте и получает смысловое и интонационное ударение. Такое синтаксическое построение создает совсем иной ритмико-интонационный рисунок предложения, так как основной интонационный акцент падает на конец предложения и начало последующего. Эти акцентированные части предложения, выделяясь, объединяют предложения между собой. Инверсия в свою очередь подчеркивает необычность синтаксического построения, увеличивая смысловую и эмоциональную выразительность.

Подводя итог, можно сказать, что помимо лексических средств связи, грамматические средства межфразовой когезии как союзы, детерминанты порядок слов и др., также играют важную роль в структурно-смысловой организации текста и помимо своих грамматических функций реализуют текстообразующую функцию.

2.3. Соотношение сверхфразового единства и абзаца

При изучении СФЕ как особой единицы лингвистики текста также важна проблема его соотношения с абзацем.

Абзац - это часть текста между двумя отступами, или красными строками, составляющий относительно законченный отрезок литературного произведения. Теория данного термина восходит к работам А. М. Пешковского и подробно разработана в трудах Т. И. Сильмана и Н. С. Поспелова.

В начальных этапах развития лингвистики, СФЕ и абзац считались эквивалентами, то в дальнейшем существовали два противоположных подхода к этой проблеме.

Многие ученые в качестве синтаксической единицы рассматривают СФЕ, другие (Маслов и Л. Г. Фридман) рассматривают сверхфразовое единство не как синтаксическую единицу, а как смысловое сверхфразовое единство предложений. Так, Л. Г. Фридман полагает необходимым считать абзац структурной единицей текста. Границы каждой синтаксической единицы по его мнению, должны быть четко выявлены и маркированы определенными формальными признаками. Он считает, что только абзац обладает релевантными признаками, конструирующего его как сверхфразовое единство. [73, 166]

Действительно, абзац, с точки зрения формы имеет одно формальное преимущество перед СФЕ, он всегда четко ограничен красной строкой и в начале и в конце.

Сторонники рассмотрения абзаца как композиционного-смыслового единства делают акцент на том, что абзац-именно типографический термин который гораздо более точно определяет сущность этого явления, чем какой-нибудь синтаксический. Сам А. М. Пешковский определял абзац интонационно-синтаксической единицей, более крупной, чем сложное синтаксическое целое, границы которых, по мнению исследователя, могут не совпадать. [57, 406] Я. Н. Сердобинцев, развивая эту мысль А. М. Пешковского, провел анализ одного из художественного текстов и пришел к выводу что, абзац это не синтаксическое а композиционное единица текста. [61, 86]

К аналогичным выводам пришла и Л. М. Лосева, которая считает абзац семантико-стилистической категорией никак не синтаксической, так как в структуре текста в качестве основных единиц различают только словосочетания, сочетания слов, предложения и сложные синтаксические целые. Также исследователь отмечает, сочетание нескольких сложных синтаксических целых могут создать абзац и также наоборот, один СФЕ может заключать в составе

несколько абзацев. [42, 69] Наиболее оптимальное определение абзаца дается в работах В. П. Николаевой которая считает абзац композиционно-смысловой единицей письменной речи, оформленная как предложение, сложное синтаксическое целое, или реже как более сложное объединение этих структур, выделяемая в соответствии с композиционными и экспрессивными задачами. [51, 4]

Таким образом, абзац следует считать композиционно-стилистической единством, этот факт также Н. А. Левковская интерпретирует с точки зрения прагматики. Основываясь на членение текста И. Р. Гальперина, которое различает объективное и субъективное процессы членения текста. Первое из которых зависит от функциональной направленности текста, т.е. от прагматической установки самого текста, а второе от писательского замысла, иными словами от прагматической установки автора. [39, 75] Исследователь считает что, в как результате этих процессов в тексте создается своеобразная дихотомия этих установок, из тесной взаимосвязи которых в тексте различают две синтаксические единицы - сверхфразовое единство и абзац. СФЕ определяет автор, как единицу объективного членения текста, которое зависит от прагматической установки самого текста. В то время как абзац считает единицей субъективного членения, связанный от прагматической установки самого создателя текста.[35, 75] Под прагматической установкой автора следует понимать личное отношение автора к содержанию текста, а под прагматичной установкой текста объективное его разделение на микротемы.

Е. А. Реферовская исследуя этот вопрос, считает что в СФЕ включается полная микротема, а абзаца не всегда имеет завершенную микротему. [59, 45]

Исходя из ее мнения, можно прийти к выводу что, СФЕ содержит высказывание, образующее объективно ограниченную микротему, которая может распространяться на другие абзацы. В результате оказывается, что одно высказывание - одна микротема - это всегда одно СФЕ, но это единое СФЕ может охватывать один, два и более абзацев.

Весьма убедительными также кажутся рассуждения К. М. Абдуллаева о соотношении абзаца и СФЕ. Ученый рассматривает связь между этими единицами как соотношение формы и содержания. Содержание (СФЕ), выражается в виде абзаца. Если же один абзац содержит два и более СФЕ, или наоборот, одно сверхфразовое единство передается двумя и более абзацами, то это следует воспринимать как неправильное кодирование содержания, неправильное использование языкового знака в виде текста. [3, 236]

Подводя итог, можно сказать, что абзац и СФЕ единицы различных уровней членения текста. Однако в связи с тем что они играют важную семантико-стилистическую роль в тексте, то очевидно что эти единицы могут перекрещиваться и функционально соприкасаться. Вследствие, которых абзац и СФЕ могут совпадать, соответствовать друг другу. Также абзац может состоять из нескольких СФЕ, или же наоборот СФЕ может распространиться на несколько абзацев. Для подтверждения выше указанных утверждений обратимся к примерам.

Совпадение границ СФЕ и абзаца весьма характерно для научного и официально-делового стиля, считается повествовательной нормой прозы. В приведенном отрывке из романа У. С. Моэма «Узорной покров» границы СФЕ и абзаца совпадают.

1. He was very reserved. 2. All she knew about his antecedents, his birth, his education, and his life before he met her, she had elicited by direct questioning. 3. It was odd, the only thing that seemed to annoy him was a question; and when, in her natural curiosity, she fired a string of them at him, his answers became at every one more abrupt. 4. She had the wit to see that he did not care to reply not because he had anything to hide from her, but merely from a natural secretiveness. 5. It bored him to talk about himself. It made him shy and uncomfortable. 6. He did not know how to be open. 7. He was fond of reading, but he read books which seemed to Kitty very dull. If he was not busy with some scientific treatise he would read books about China or historical works. 8. He never relaxed. She did not think he could. 9. He was fond of games: he played tennis and bridge. [110, 43]

Данный абзац, который состоит из 9 самостоятельных предложений. Однако самостоятельность каждого из них относительна. Все предложения связаны единой темой-описанием характера главного героя романа. Первые три предложения играют роль зачина и открывает микротему СФЕ, в котором раскрывается повествование об отношениях между главными героями, где жена охарактеризует своего мужа скрытым человеком, который избегает опросов о своем прошлом, о родственниках и которому становится не комфортно от опросов. Эта скрытость была чертой его характера, а не намерением что-то скрыть. Однако героиня считает своего мужа очень замкнутым, скучным человеком, который никогда не дает себе отдыха. Ей кажется скучным даже книги которые он читает и игры в которые играет. Описание скрытости и непонимания между главными героями раскрывается также пропасть между ними.

Компоненты СФЕ раскрывающие микротему связаны лексическими средствами связи, в роли которых выступают такие слова как *reserved, secretiveness, bored, shy, uncomfortable, never relaxed*. Повторение местоимения *he* и *she* на протяжении СФЕ так же является связывающим звеном. В первых предложениях дается информация о том, как считает героиня своего мужа, который ничего не рассказывает о своем прошлом и о себе в целом, начиная с пятого предложения, дается информация о том что главный герой скрытый человек от природы и связывает эти части в составе единства четвертое предложения, где выражением *she had the wit to see* подчеркивается, что она понимает, что скрытость это его природная натура. Также в тексте использованы антонимы **natural secretiveness** и **natural curiosity**, которые подчеркивают характер героев и различия между ними. Для описания главного героя автор в СФЕ также воспользовался параллелизмом в начале *he was reserved*, в середине *he was fond of reading*, в конце *he was fond of games*, использованием которых не только связывается части отрезка в абзаце, но и дается эмоционально экспрессивное описание главного героя.

В приведенном примере границы абзаца совпадают с границами сверх-

фразового единство, что предоставляет как удобства при чтении отрезка так и при осмыслении его микротемы. С помощью формальных маркеров абзаца определяются границы СФЕ и значительно упрощается выявление и анализ межфразовых средств связности между компонентами единства.

Как уже было отмечено, абзац может состоять из двух и более сверхфразовых единиц, для примера возьмем готическую новеллу Э. А. По «Маска Красной Смерти» :

1.He had directed, in great part, the movable embellishments of the seven chambers, upon occasion of this great fête; and it was his own guiding taste which had given character to the masqueraders.2. Be sure they were grotesque. 3. There were much glare and glitter and piquancy and phantasm – much of what has been since seen in ‘Hernani’.4. There were arabesque figures with unsuited limbs and appointments. 5. There were delirious fancies such as the madman fashions.6. There were much of the beautiful, much of the wanton, much of the bizarre, something of the terrible, and not a little of that which might have excited disgust. 7.To and fro in the seven chambers there stalked, in fact, a multitude of dreams. 6.And these – the dreams – writhed in and about, taking hue from the rooms, and causing the wild music of the orchestra to seem as an echo to their steps.7. And, anon, there strikes the ebony clock which stands in the hall of velvet.8. And then, for a moment, all is still, and all is silent save the voice of the clock. 9. The dreams are stiff-frozen as they stand. 9. But the echoes of the chime die away – they have endured but an instant – and a light, half-subdued laughter floats after them as they depart. 10. And now again the music swells, and the dreams live, and writhe to and fro more merrily than ever, taking hue from the many-tinted windows through which stream the rays from the tripods.11. But to the chamber which lies most westwardly to the seven there are now none of the maskers who venture; for the night is waning away; and there flows a ruddier light through the blood-coloured panes; and the blackness of the sable drapery appals; and to him whose foot falls upon the sable carpet, there comes from the near clock of ebony a muffled peal more solemnly emphatic than any which reaches their ears who indulge in the more remote gaieties of the other apartments. [101, 194-195]

Выбранный протяженный отрезок в оригинальном тексте новеллы состоит из тридцати строк, хотя при этом состоит всего из одиннадцати предложений и занимает более одной страницы. Посвящается абзац описанию необычного маскарада, который проходит в замке принца Постеро, закрытого от внешнего мира, где вся власть принадлежит Красной смерти – мистической болезни, которая беспощадно убивает людей. Выбранный абзац, который состоит из одиннадцати предложений в отличие от предыдущего примера, распадается на две части, в начале рассказ ведется в прошлом и начиная с седьмого предложения переходит в историческое настоящее. Однако при детальном анализе абзаца становится понятным что, абзац состоит из нескольких СФЕ.

Первое СФЕ составляют первые две предложения, в котором раскрывается роль принца в организации маскарада, далее начиная с третьего предложения, происходит смена микротемы на описание самого помещения зала, где во всем было изящность, пикантность, иллюзорность. Все вокруг казалось фантастическим порождением какого-то безумного, бреда. Многое вокруг было красиво и многое безнравственно, встречалось такое, что вызывало отвращение и иное наводило ужас. Такое описание помещения использованием параллелизмов **there were much of/there were arabesque/there were much of**, а также аллитерация сонорного согласного [m] в неоднократном повторение словосочетании **much of** Создает картину постепенно нарастающей напряженности.

Третья СФЕ начинается с седьмого предложения **And, anon, there strikes the ebony clock which stands in the hall of velvet**, где повествование переходит в историческое настоящее, где описывается тот же самый зал, но в ином виде, где уже господствует красная смерть. Описание глубокого боя часов, которая еще более усиливается повторением сонорных [n] и [l] в словах **anon, stands, hall, velvet**, также повторение **still, silent, save, voice, stiff, stand** создает символическую образ всеобщего оцепенения и зловещей тишины, где выносятся смертный приговор всем присутствующим.

Четвертая СФЕ наблюдается в предложении **But the echoes of the chime die away**. Использование союза **but** создает противопоставление не только двух СФЕ, но также состояний гостей, которым постепенно возвращается прежняя беззаботность.

Пятое сверхфразовое единство начинается с десятого предложения, **And now again the music swells**, где сложносочиненное предложение создает СФЕ, в котором опять возвращаемся в бархатный зал, где опять звучит музыка и опять кривляются видения. Экспрессивность описания усиливается аллитерацией сонорных согласных (n) в словах **and, now, again** и (m) в словах **music, dreams, more, merrily**.

И, наконец, последнее СФЕ представляется в завершающем одиннадцатом, которое является самой длинной предложением абзаца. В котором описывается дальняя комната замка, в которую никто не решается входить, откуда доносится наводящий ужас на присутствующих бой часов. и тому, кто заходил в эту комнату в звоне часов слышались погребальные колокола.

Таким образом, анализ отрывка новеллы Э. А. По «Маска Красной смерти», показал нам, что абзац может распадаться на несколько СФЕ, в которых описываются прошлое и историческое настоящее замка. Однако, все единства менее связаны между собой синтаксико-смысловой композицией абзаца, использованием параллелизмов и сочинительных союзов **but** и **and**.

Также нами было отмечено, что границы СФЕ и абзаца могут не совпадать, при этом СФЕ обрамляется абзацем или распространяется на несколько абзацев, данный случай встречается не так часто в художественной литературе. Абзац в таких произведениях используется как приём выделения, маркирования отдельных частей сложного целого, усиливая стилистический эффект, также может считаться средством выражения авторской интенции. Для примера рассмотрим отрывок из романа «Узорной покров» :

1. She noticed that Kitty was beginning to attract men of forty and over. 2. She reminded her that she would not be any longer so pretty in a year or two and that young girls were coming out all the time. 3. Mrs Garstin did not mince her words in

the domestic circle and she warned her daughter tartly that she would miss her market.⁴ Kitty shrugged her shoulders. ⁵ She thought herself as **pretty** as ever, prettier perhaps, for she had learnt how to dress in the last four years, and she had plenty of time.⁶ If she wanted to marry just to be married there were a dozen boys who would jump at the chance. ⁷ Surely the right man would come along sooner or later.⁸ But Mrs. Garstin judged the situation more shrewdly: with anger in her heart for the beautiful daughter who had missed her chances she set her standard a little lower, she turned back to the professional class at which she had sneered in her pride and looked about for a young lawyer or a business man whose future inspired her with confidence.

⁹ Kitty reached the age of twenty-five and was still unmarried.¹⁰ Mrs. Garstin was exasperated and she did not hesitate often to give Kitty a piece of her very unpleasant mind. ¹¹ She asked her how much longer she expected her father to support her.¹² He had spent sums he could ill afford in order to give her a chance and she had not taken it. ¹³ It never struck Mrs. Garstin that perhaps her own hard affability had frightened the men, sons of wealthy fathers or heirs to a title, whose visits she had too cordially encouraged. ¹⁴ She put down Kitty's failure to stupidity. ¹⁵ Then Doris came out.¹⁶ She had a long nose still, and a poor figure, and she danced badly. ¹⁷ In her first season she became engaged to Geoffrey Dennison. ¹⁸ He was the only son of a prosperous surgeon who had been given a baronetcy during the war. ¹⁹ Geoffrey would inherit a title - it is not very grand to be a medical baronet, but a title, thank God, is still a title - and a very comfortable fortune.

²⁰ Kitty in a panic married Walter Fane. [110, 87]

В приведенном отрывке, который состоит из двадцати предложений, СФЕ распространяется на сразу на три абзацы. Использование такого стилистического приема, автор раскрывает основную причину замужества главной героини. Началом СФЕ считается первое предложение первого абзаца, где повествуется о опасениях Миссис Гарстин о судьбе ее дочери. Однако в первом абзаце автор показывает весьма другую Китти, считает себя красивой и желает выйти замуж по любви, а не для того, чтобы быть замужем. Китти ждет

подходящего претендента который рано или поздно появится. Однако миссис Гарстин не одобряет поступок своей красивой дочери, которая упускает время.

Во втором абзаце продолжается повествование о том как страстно желает мать выдать свою дочь замуж, которой минуло двадцать пять лет. Начиная с пятнадцатого предложения, вводится в повествование Дорис. вторая дочка Миссис Гарстин, которая о сравнению с сестрой была не красивой, с длинным носом и нескладной фигурой, да еще и не красиво танцевала. Однако Дорис, с первого же сезона обручилась с сыном, знаменитого хирурга, получившего титул баронета. На первый взгляд, кажется, начиная с пятнадцатого предложения раскрывается новый СФЕ, однако автор вводит в повествование маленькую некрасивую сестру героини не просто так, используя частицу *then*, автор показывает тот аргумент который полемизирует с предыдущей частью СФЕ и раскрывает концовку СФЕ. Конец СФЕ соответствует последнему абзацу отрывка, где Китти противоречит самому себе и в панике выходит замуж.

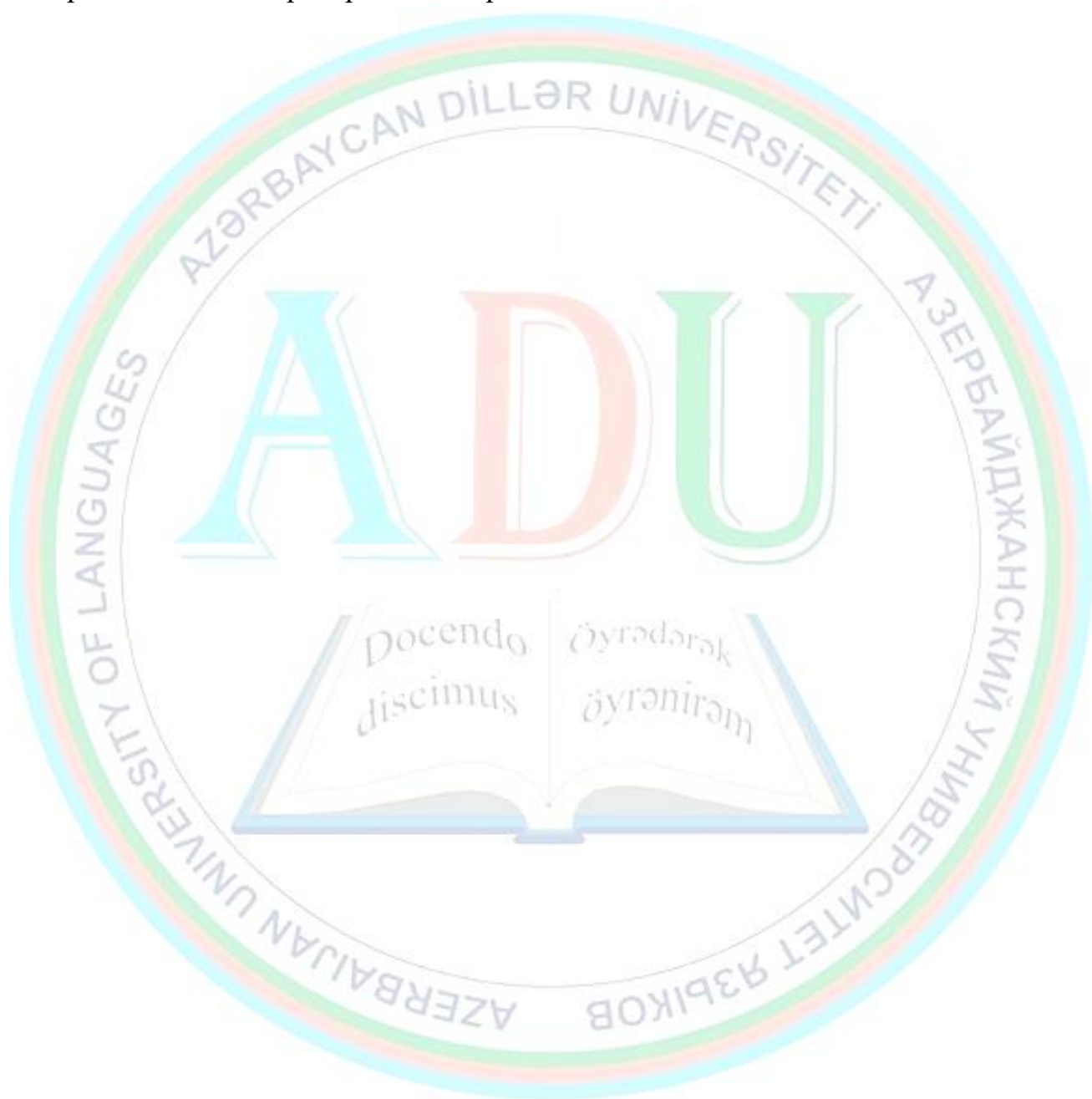
Выделяя концовку предложения новой красной строкой, автор акцентирует внимание на суть замужества главной героини.

В данном отрывке части целого СФЕ и составляющие каждого абзаца связаны между собой, синтаксическими и лексическими связями. В первом абзаце используется лексический повтор слова *pretty/prettier*, связывает предложения внутри абзаца, но и создает антонимичность со словами *poor figure* и *long nose*, употребляемые во втором абзаце, что соединяет две абзацы в целое единство.

Также употребление таких противоречивых выражений, как *to marry just to be married* и *married in a panic*, которые создают своего рода оксюморон, привлекает внимание читателя и связывает последний абзац с первым, раскрывая при этом единую микротему единства.

Таким образом, из анализа приведенных примеров подтверждает утверждение, что СФЕ и абзац как единицы разных уровней текста, абзац является единицей авторского членения текста, в то время как СФЕ единицей собственного членения текста. При делимитации СФЕ нельзя отождествлять его с

абзацем, однако абзац может стать главным и общим ориентиром в процессе определения границ сверхфразового единства, так как формальные признаки абзаца показывают начало новой темы и ее продолжение. Совпадение границ единства и абзаца или распространение СФЕ на несколько абзацев зависит от авторской интенции раскрытия микротемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе было проведено исследование, направленное на изучение единиц лингвистики текста, которыми являются текст как целое речевое произведение и сверхфразовое единство, что позволило установить следующие выводы:

- Исследования текста, как в самом языкознании, как и в лингвистике текста характеризуется многообразием подходов и теоретических концепций, которые главным образом направлены на выявления различных аспектов и признаков в текстуальности осуществляемых на уровне текста как целого речевого произведения, поскольку характерные признаки сверхфразового единства являются признаками и целого текста.

- Изучение особенностей целого текста, как продукта речевой деятельности так и единицы коммуникативного акта, ведутся в основном с целью выявления категорий текста, главным среди которых является категория информативности, так как основным свойством всякого текста это способность содержать в себе и передать ту или иную разновидность информации.

- Информативность тесным образом связана с другими категориями текста (связность, целостность, интенция) так как информация считается абсолютным показателем информативности текста, и ценность информации зависит от желания читателя понять коммуникативное намерение автора.

- Рассмотрение информация как основной интегрирующей категории, которая различается по своему прагматическому назначению, позволяет выделять в тексте различные виды информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию.

- Приведенные в работе анализы различных текстов позволяет сделать вывод, что декодирование видов текстовой информации, в основном зависит как от композиционно-смысловой установки текста, так и от словарного запаса, жизненного опыта и фоновых знаний читателя. Таким образом информация

представляется на фоне целого текста в системе координат «автор – текст – реципиент».

- В процессе анализа информации читатель осуществляет путь от понимания ключевой минимальной речевой единицы высказывания, которую соизмеряет с контекстом, до конкретной речевой структуры – информативного высказывания, которое выступает ключевым понятием по отношению к информативно-коммуникативной ситуации (тексту).

Следует отметить, что исследования лингвистики текста также направлены на изучения сверхфразового единства, которое является значимым при изучении текста как объекта лингвистики текста, так как считается связывающим звеном его плана содержания и плана выражения.

- Сверхфразовое единство характеризуется собственным композиционно-смысловым и коммуникативным устройством. Главной особенностью которого считается относительная независимость от контекста и законченность определенной совокупности предложений связанных между собой интонационно и лексико-грамматическими средствами связи и раскрывающих одну из микротем текста.

- Следует отметить, что большую роль в выделении сверхфразовых единств играет категория связности, благодаря которой сверхфразовые единства воспринимаются читателем как структурно-смысловое пространство текста. Связность текста обнаруживается в закономерностях расположения слов в каждом единстве в зависимости актуального членения каждого последующего предложения от предыдущего. Для осмысления смысловой структуры текста и авторского замысла важным является содержание отдельного СФЕ и взаимосвязь между СФЕ как составляющие текста.

- Данная категория реализуется в речевом произведении самыми различными видами средств связности как лексическими как смысловыми (лексико-стилистическими и лексико-грамматическими) и структурными (структурно-грамматическими). Наиболее распространенными среди которых считаются повторы, союзы, детерминанты, порядок слов и др.

- Анализ которых в структуре сверхфразового единства, позволил сделать интересные наблюдения: как лексические повторы в тексте одновременно выполняют несколько функций, помимо функции основной текстовой связи они также сочетают экспрессивность, эмоциональность и функционально-стилистические черты, также грамматические средства играют важную роль в структурно-смысловой организации текста и помимо своих грамматических функций реализуют текстообразующую функцию.

При изучении сверхфразового единства важным вопросом также является определение его границ с целью исследования соотношений абзаца и СФЕ. Так как оба являются единицами членения текста, однако на разных уровнях. Абзац является единицей авторского членения текста, в то время как СФЕ единицей собственного членения текста, следовательно считается неправильным отождествление СФЕ с абзацем.

- Сопоставительный анализ СФЕ и абзаца позволил определить, что совпадение или несовпадение границ сверхфразового единства и абзаца является результатом воли автора текста, влиянием его личной прагматической установки и интенции раскрытия микротемы.

Можно полагать, что проведенное нами исследование единиц лингвистики текста, не раскрывает все особенности текста и сверхфразового единства. Так как текст и СФЕ весьма сложные, многоаспектные понятия для изучения. Но мы надеемся, что полученные результаты и выводы в ходе исследования в значительной мере будут способствовать дальнейшему исследованию данной проблемы и станут толчком для более углубленного понимания и изучения лингвистики текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

на азербайджанском языке:

1. Abdullayev Ə. Ə. Aktual üzvlənmə və mətn. Bakı: Xəzər Universitetin Nəşriyyatı, 2008, 193 s.
2. Abdullayev Ə.Ə. Mətn məna və anlama (kommunikativ-kognitiv təhlil) Fil. elm. dok... ..avtoref. Bakı, 2001, 56s.
3. Adbullayev K. M. Azərbaycan dilinin sintaksisinin nəzəri problemləri Bakı: Maarif 1999, 281 s.
4. Abdullayev K. M., Məmmədov A.Y., Musayev M.M., Üstünova K., Novruzova N.S., Hüseynov Ş.Q., Rzayeva G.N., Hacıyeva K.B., Ziyadova L.V., Fətəliyeva S.Q., Nağıyeva G.Q., Məhərrəmovə G.A., Zeynalova Ş.T., Səlimova F.Q., Məhərrəmovə V.H. Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər. Bakı: Mütərcim, 2012, 606 s.
5. Adilov M. Azərbaycan dilində təkrarlar sistemi. Fil. elm.dok. dis. 1967, 187s.
6. Beyzadə G. M. Mətn dilçiliyi, Bakı: Qorqud, 1997, 91s.
7. Hüseynova M. Ə. Mətnin interpretasiyasında sintektik-semantik və koqnitiv amillər. Bakı: Sabah, 2007, 166 s.
8. Məmmədov A. Y. Mətn yaranmasında formal əlaqə vasitələrinin sistemi. Bakı: Elm, 2001, 144 s.
9. Məmmədov A. Y. Dilçiliyin müasir problemləri. Bakı: ADU Nəşriyyat, 2008, 90 s.

на русском языке:

10. Абдуллаев К. М. Проблемы синтаксиса простого предложения в современном азербайджанском языке. Баку: Эльм, 1987, 109с.
11. Адмони В. Г. Грамматика и текст ВЯ, 1985, № 1, с. 63-69.
12. Акишина А. А. Структура целевого текста М., 1979, 73 с.

13. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981, 295с.
14. Асланова З. Н. Художественное время как категория текста (на материале английского языка) Автореф. дис. ... канд. филол. наук.: Баку, 2011, 35с.
15. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М: Искусство, 1979, 281с.
16. Бахтин М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Т.6, 399с.
17. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа//Новое в лингвистике, М., 1965, вып. 4, с.434-449.
18. Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, I, Киев, 1952, с. 392
19. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003, 205 с
20. Вардуль И. Ф. О сцеплении самостоятельных в предложениях в японском языке. - Тр. Военного института иностранных языков. М., 1955, Т. 7, с. 13-16
21. Виноградов В. В. О художественной прозе. М.:1930,186с.
22. Гаибова М. Т. Прагмалингвистический анализ художественного текста Баку АГУ 1986, 85 с
23. Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения// Синтаксис текста, М.: Наука, 1979, 91-102 с.
24. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста Известия АН СССР. СЛЯ. 1977 т39, № 6, с. 522 – 532.
25. Гальперин И. Р. О понятии "текст". - ВЯ, 1974, № 6, с. 68-84
26. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва:Наука, 1981, 144 с.
27. Гиро П. Основные проблемы и направления в современной стилистике. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 9. Лингвостилистика. М., 1980. с. 35-68
28. Гусейнова Л. А. Интеграция как категория текста (на материале англоязычной художественной прозы) Автореф. дис. ... канд. филол. наук.: Баку, 2004, с. 38

29. Голод В.И., Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные аспекты текста как инструмента общения // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. с. 26-34
30. Дресслер В. Синтаксис текста. Новое в зарубежной лингвистике. Новое в зарубежной лингвистике вып. VIII, М.:1978. с. 111-137
31. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 232 с.
32. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, 308 с.
33. Зарубина Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. М., 1979, 106 с.
34. Кленина А. В. Связное высказывание в научной речи. Автор. дисс. на соиск. канд. фил. наук М.,1975. 19 с.
35. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения// Иностранные языки в школе, 1985 № 1. с.10-14
36. Косериу Э. Современное положение в лингвистике.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. 36, 1977, № 6. с. 514-521.
37. Кондаков Н. И. Логический словарь справочник. М.: 1975, 240 с.
38. Кухаренко В. А. Интеграция текста. М.: Просвещение, 1978, 327с.
39. Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем. Филологические науки. 1980 №1 75с.
40. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
41. Лосева Л. М. Межфразовая связь в тексте монологической речи. Автор. диссер. на соиск. канд. фил. наук. Одесса, 1969, 20с.
42. Лосева Л. М. Как строится текст М., 1980, 126 с.
43. Лотман Ю. М. , Анализ поэтического текста, Л.Просвещение, 1972, 270с.
44. Лотман Ю. М. Структура художественного текста/Об искусстве Санкт-Петербург: Искусство, 1998, 258с

45. Маслов Б. А. Проблема связи между предложениями в связном тексте. Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч. 1, М., 1974, с. 187-190
46. Маслов Б. А. Механизм связи предложений в тексте. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 103, М.:1976, с 72.
47. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010, 562 с.
48. Москальская О. И Грамматика текста М., 1981, 183 с.
49. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие/ Иностранные языки в школе, 1978, №3, с. 9-17.
50. Мальцев В.А. Параллелизм, его связи с повтором и роль в организации художественного текста / В.А. Мальцев // Романское и германское языкознание. - Минск: Изд-во Минск. гос. пед. ин-та ин. яз. - 1976. - №6. - с. 128-140.
51. Николаева В.П. Абзац, его строение, содержание и композиционно-стилистическая роль в рассказах А.П.Чехова: Автореф.... дис.канд.филол. наук. - М., 1965, 21 с.
52. Николаева Т. М. Лингвистика текста современное состояние и перспективы (Вступительная статья). Новое в зарубежной лингвистике вып. VIII, М.:1978. с. 5-39
53. Николаева Т.М. О функциональных категориях линейной грамматики// Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979, с. 37-48
54. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с
55. Одинцов Е. В. Стилистика текста М.:1983, 178 с.
56. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и некоторые особенности его структуры. Доклады и сообщения ИРЯЗ, 1948, вып. 2 с. 62-78
57. Пешковский А. В. Русский синтаксис в научном освещении, М., 1934, 512с.
58. Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике вып. VIII, М.:1978, 288 с.

59. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука, 1983, 213 с.
60. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985, 399 с.
61. Сердобинцев Н. Я. Синтаксис языка и композиция произведения. Исследования и статьи по русскому языку, Волгоград 1967, 150 с.
62. Сердобинцев Н. Я. Текст и стиль. Филологические науки. 1977. №6, с. 42-51
63. Серкова Н. И. Сверхфразовое единство как функционально речевая единица Авторреф. дисс. на соиск. канд. фил. наук. М.: 1978, 25 с.
64. Сильман Т. И. Структура абзаца и принципы ее развертывания в художественном тексте. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.. 1971. с. 55-57
65. Солганик, Г. Я. Синтаксическая семантика (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. - М.: Высшая школа, 2003, 214 с
66. Современный русский язык. Анализ языковых единиц./ под ред. Е. И. Дибровой/ . М. 2001, 413 с.
67. Текст. Теоретические основания и принципы анализа. Коллектив авторов. Санкт-Петербург: Златоуст, 2011, 321 с.
68. Тураева З. Я. К вопросу о категориях текста. Теория и методы исследования и предложения. Межвузовский сборник научных трудов. Л. 1981, с. 138-146
69. Тураева З. Я. Лингвистика текста М. 1986, 127 с.
70. Турмачева Н. А. О типах форм и логических связей в сверхфразовом единстве. Автореф. дисс. на соиск. канд. фил. наук. М. 1973, 25 с.
71. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста//Русский язык в школе, 1948.-№3.-С. 21-31.
72. Филиппов К. А. Лингвистика текста.— Санкт-Петербург: Из-во С.-Петерб. Ун-та, 2003, 335 с.

73. Фридман Л. Г. К вопросу о сверхфразовых единствах (на материале немецкого языка). Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков Л. 1975, с. 216-221
74. Шевченко Н. В. Основы лингвистики текста. М: Приор- издат, 2003. 156 с.
75. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы А. Д. Швейцер. – М.: «Просвещение», 1978. – 271 с.
76. Якобсон Р. Итоги IX конгресса лингвистов.—В кн.: Новое в лингвистике. М., 1965, вып. 4, 586 с.

на иностранном языке:

77. Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981, s. 258
78. Dijk T. A. van News Analysis New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1988, 347p.
79. Danes F. Zum Status der Textebene Studia Grammatika, XVIII Berlin 1977, s 157.
80. Enkvist N.L. From Text to Interpretability: A. Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text linguistics. Connexity and Coherence: Analysis of Text and Discourse Ed. By W. Heydrich. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1989, p. 369-382.
81. Enkvist N. L. Linguistic stylistics The Hague: Mouton, 1973, 162 p.
82. Fillmore Ch .J. The Case for Case In E. Bach and R.T. Harms (eds) Universals in Linguistic Theory London: Holt, Rinehart and Winston, 1968, pp. 1-25 (Part Two)
83. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman., 1976. 374 p. 325p.
84. Halliday M. A.K. Language structure and language function. New Horizons in Linguistics. Hanmondsworth: Penguin Books, 1970 p.10-21
85. Harris Z. Discourse Analysis. Language vol 28 N 1 1952, p. 1-30

86. Hartmann P. Texte als linguistisches Objekt.—in: Beitrage zur Textlinguistik. München, 1971, s. 287
87. Hartmann, P. Zum Begriff des sprachlichen Zeichens. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissen- schaft und Kommunikationsforschung, Bd 21, 1968, s. 205-222
88. Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. Munchen, 1968. S.225
89. Hausenblas K. Zu einigen Grundfragen der Texttheorie. In: Probleme der Textgrammatik II Studia Grammatika, XVIII, Berlin, 1977,s.149
90. Mackeldey R. Alltagssprachliche Dialoge. Kommunikative Funktionen und syntaktische Strukturen. Leipzig, 1987, s.160
91. Mammodov A. Studies in Text and Discourse. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018,108p.
92. Parret H. Discussing Language. The Hague-Paris, 1974. 101 p.
93. Pfiitze M. Bemerkungen zu einer funktionalen Textlinguistik.—in: WZ der padagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer». Erfurt. 1970, H. 3., p. 7-18
94. Sadock J. M. Hypersentences Thesis University of Illinois, Urbana, In : Papers in Linguistics 1968. p 283-370
95. Weinrich H. The textual function of the French article // Literary style: A symposium. London-New York, 1971. p. 180
96. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966, 74s.

Литературные источники:

97. Chesterton G. K. The Sign of the Broken Sword, Norwood, Pa, Norwood Editions,1978, 25p
98. Dickens Ch. Bleak House London: Penguin Classics, 2003, 1088 p.
99. Dickens Ch. Hard times. London: Longman, 2003, 353 p.
100. Dickens Ch. The Pickwick Papers London: Penguin Classics, 2000, 801 p.
101. Poe Edgar Allan, Selected Tales, Penguin Books, 1994, 406 p.
102. Fitzgerald S. F Great Gatsby Wordsworth Classics, 1993, 122 p.

103. Fowles Jh. The French Lieutenant's Woman. London: Vintage Classics 2005, 470 p.
104. Faulkner W. Novels 1942-1954 / W. Faulkner. – USA: The library of America, 1994. – 1115 p
105. Hemingway E. Farewell to Arms New York: Scribner 1929, 355p.
106. Hemingway E. To Whom The Bells Tolls New York: Scribner 1940, 236 p.
107. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Scribners, 1996, 136p.
108. Maugham S. W. Cakes and Ale or, The Skeleton in the Cupboard England: Vintage, 200, 308p.
109. Maugham S. W. Moon and Sixpence Aegypan, 2005, 196 p.
110. Maugham S. W. Painted Veil Vintage books, 2006, 246 p.
111. Maugham, W.S. Selected Plays [Text] / W.S. Maugham. – London, 1997. – 358 p.
112. Maugham, S. W. Theatre England: Vintage, 2001, 304p.
113. Oppenheim E. P. The Vanished Messenger Hardpress publishing, 2010, 244p.
114. Osborne Jh. Look Back in Anger . Penguin Books, 198, 92 p.
115. Swift J. Gulliver's Travels. Penguin Classics, 2003, 306 p.
116. Wells H.G. English Literature. The best pages Издательство менеджер 2001 256 p.
117. Wilder T. N The Bridge of San Luis Rey. Perennial Classics, 203, 138 p.

Интернет источники:

118. https://studopedia.ru/10_225749_sverhfrazovoe-edinstvo-i-abzats.html
119. http://studbooks.net/894982/literatura/klassifikatsiya_povtorov
120. <https://www.theguardian.com/environment/2010/jun/25/london-air-pollution-europe>